

Эллин Ти

Нетвой

Любовь всегда приходит вовремя

18+

Элин Ти
Нетвой

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ти Э.

Нетвой / Э. Ти — «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-193206-0

Вторая часть в пенталогии про нежную любовь и горячих хоккеистов из команды «Феникс»! «Нетвой» набрал более 35 тыс. прочтений на Литнете. Эллин Ти — известный автор сентиментальной прозы, которая публикует свои книги в печатном виде впервые! Антон Ковалев - один из лучших игроков хоккейной команды «Феникс». В последнее время он начал заморачиваться, что у него нет долгих и серьезных отношений. У него есть «подруга с привилегиями», но Антон хочет по-настоящему влюбиться. В его жизни неожиданно появляется Оля Крохалева, ее назначают новым тренером в команду. Она красива, умна и очень хорошо знает свое дело. Сердце Антона начинает биться чаще при виде Оли, но та кажется холодной, как лед. Сможет ли Антон доказать свою любовь, а Оля принять тот факт, что она наконец-то любима?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193206-0

© Ти Э., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Элин Ти Нетвой

Художественное оформление А. Зининой

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© OneLineStock / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Иллюстрация на обложке LINK

© Ти Э., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

АНТОН

Солнце слишком ярко светит в глаза, пытаюсь спрятаться и поспать еще немного, но вместо того, чтобы упасть лицом в подушку, натыкаюсь носом на копну волос. Не глядя, уверен – рыжие. Длинные, пушистые, противные такие, вечно в рот и глаза лезут. И хозяйка их тоже противная. Даша. Потому что отношений ей не хочется, хотя я сто раз предлагал попробовать, она только сексом заниматься для здоровья приезжает раз в пару недель, ни на что не претендуя. А я и не против как бы – претендуй, пожалуйста, мне не жалко. Колос вон женился, даже Сава весь в любви ходит, а у меня вроде и есть с кем встречаться, но все, что ей от меня надо, это тело мое и кровать, чтобы до утра остаться.

Иногда она мне даже завтрак готовит, очень вкусно, но, честно, если бы мы не спали, решил бы, что она ко мне как к брату относится. А так – дружим. Иногда переходя черту, когда ей хочется. Я давно уже не иницирую. У нас месяца четыре это все происходит, и шагов навстречу я, после пяти попыток построить что-то нормальное, больше не делаю. Хочет секса – мне не жалко, девочка красивая, и я не дебил, чтобы отказываться. Но дальше – все. Она видит, что я похолодел к ней в последнее время, утром сразу убегает, часто даже без завтрака.

Мы не созваниваемся, не переписываемся, она просто приезжает, когда ей нужно, мы проводим ночь, и она исчезает до следующего раза.

А мне тошно. Смотрю на этих придурков влюбленных, и тошно, потому что удивительно, но тоже так хочется. В восемнадцать я радовался случайному сексу и тому, что девчонка утром мозг не выносит, а в двадцать два как-то бесит уже. Тренер нас взрослыми мужиками воспитывает, поэтому такая херня меня давно не радует. Любить хочу, докатился, Ковалев.

Поворачиваюсь на спину, спать все равно уже не получится. Тренировка через три часа, надо выпроводить Дашу и пойти в душ. Июнь, а жара такая, что чокнуться можно, из душа вылезать вообще желания никакого.

Боком чувствую, что рыжая возится, просыпаясь. Прогибается в спине, как кошка, трется об меня, намекая на хорошее пробуждение, но мне вообще не хочется. Красивая девчонка, но от ее безразличия даже спросонья не стоит.

Встаю с кровати, не сказав ни слова Даше, иду в душ, закрываю дверь на замок. С нее станется и в душ за мной припереться, а я не хочу, загрузился как-то.

Потому что вчера вечером с тренировки шел, а она на скамейке сидит у подъезда, мороженое ест. Я ей сказал уходить, потому что упахался, а она мне рожком рот заткнула и в квартиру за мной пошла. Спросил ее, зачем ей это надо в двадцать лет, нашла бы парня себе, раз я не устраиваю. А она улыбается, говорит, на отношения табу у нее, а со мной хорошо раз в пару

недель встретиться. Со мной, говорю, давай встречаться. А она: «Ты же наиграешься через неделю, Тош, а мне страдай потом. Не хочу, давай оставим как есть».

Да, давай, конечно, оставим. Меня с ощущением никчемности, а тебя с тремя оргазмами за ночь.

Я просто не понимаю. То, что у меня серьезных отношений никогда не было, не показатель того, что я наиграюсь через неделю. Пацаны из команды бабниками похлеще меня были, и ничего, одумались же, влюбились. А я что? Робот? Машина, чтобы потрахаться? Или я для секса норм, а для отношений не очень?

Бесит.

Выхожу из душа, в квартире уже пусто. Ушла, молодец, все правильно поняла. Не хочу видеть ее, и чтобы приходила, тоже не хочу больше. В последнее время все раздражает, особенно эти влюбленные парочки повсюду, ходят, щебечут, а мне хоть на стену лезь.

Нормально вообще в двадцать два загоняться из-за этого? Хер знает, но меня уже больше месяца грузит, что меня никто всерьез не воспринимает.

Готовлю себе завтрак и выхожу, обещал перед тренировкой к маме заехать, она ремонт затеяла, с мебелью помочь надо, у отца спина больная, а мамка у меня такая, что и сама потащит все, если никто в первые минуты помогать не прибежит.

Живут они за городом, ехать минут тридцать, если не пробки, думаю, все успею до тренировки. Там не особо много таскать, кажется, диван вынести да пару шкафов.

Доезжаю быстро, топлю по почти пустой трассе далеко за сотку и уже через двадцать минут улыбаюсь матери. Она у меня замечательная, молодая, красивая, всегда поддержит и даст пинка, если нужно. С отцом отношения чуть хуже, но это из-за возраста. Он на девятнадцать лет старше мамы, и мы просто с рождения не были прям друзьями, как с ней. Он отец, я люблю его и уважаю, но такой трепет только с матерью. Ей сорок всего, ему почти шестьдесят, и, хоть на старика он не похож, все же разница немного заметна.

– Привет, ма. – Целую в щеку и прохожу в дом, где уже пахнет моими любимыми сырниками, кайф. Жить одному мне нравится, но в такие моменты с удовольствием вернулся бы в дом родителей. – Где отец?

– У него процедуры в больнице, опять спина, потом работает, так что сегодня вы, наверное, не увидите, – грустно вздыхает, опуская передо мной на стол кружку чая. – Или дождешься?

– Не, мам, я сейчас быстро помогу тебе и поеду, тренировка, у нас сборы скоро, опаздывать нельзя. – Жую сырник, запивая чаем. Знаю, что мама грустит из-за того, что видимся редко, хотя живем не слишком далеко друг от друга. Просто у меня тренировки постоянно, а ехать вечером сил нет. На полчаса – подразнить только и меня, и ее.

– Ты мой занятый мальчик, – гладит по голове и хмыкает, замечая на шее небольшой засос. Даша, блин... – Девушку нашел или все та же Даша?

– Все та же, ма, – надеялся, что хотя бы у мамы не буду думать об этой херне, но нет. Матушка всегда четко чувствует, что мне нужно и чего не хватает.

– Не хочет с тобой встречаться? – Качаю головой. Не хочет, мама знает. Да, у нас очень близкие отношения, не вижу ничего плохого. – Ну и дура, – пожимает плечами, – а ты завязывай, Тош. Свое тебя найдет, а чужое отпускаяй. Не разглядела она тебя, значит, не увидела, какой ты хороший.

Хмыкаю. Хороший, да. Только никто вокруг так не думает, кажется, кроме мамы. Лизка разве что, Савельева девчонка. Удивительно, но мы подружились. Даже Сава не против.

Закрываю тему, помогаю и уезжаю к спорткомплексу, всю дорогу обдумывая слова мамы. Свое тебя найдет... А если нет? Или не там ищу? Я не хочу всю жизнь вот так раз в неделю трахаться с какой-нибудь очередной Дашей, которая захочет хорошо провести время. Перспектива абсолютно не очень.

Захожу в здание спорткомплекса и тут же сталкиваюсь с какой-то девчонкой. Мелкая, на голову ниже, в кепке, бежит куда-то, не смотрит куда. Машинально ее за талию хватаю, чтобы не грохнулась.

– Аккуратнее, красота, тут полы скользкие, – говорю ей, а она кивает, руки отбрасывает мои и дальше бежит, скрываясь за дверью.

Красивая. Брюнетка, волосы по плечи, спортивная, за талию прижал когда, все мышцы почувствовал пальцами.

Интересно, кто такая? Рассмотреть не успел толком, быстро убежала, да и из-за кепки лица не видно почти. Но красивая, точно знаю, чувствую. Может, новенькая из группы поддержки? Да кем угодно она может быть, тут каждый день проходняк человек по пятьсот, не меньше. Может, сестра чья, мелочь на занятия привела.

Захожу в раздевалку одним из последних, у нас сегодня тренировка на земле, потом полтора часа льда, поэтому переодеваемся в обычную спортивную форму и кроссовки. Честно, жара бешеная, в такие моменты со льда вообще вылезать не хочется, но Палыч режим не нарушает. Сказано, земля, значит, земля, хоть жара, хоть ливень, хоть лава там разольется.

Здоровуюсь со всеми, сажусь на лавку, когда входит тренер.

– Все на месте? – спрашивает.

– Серега Булгаков к медсестре вышел колено перемотать, – отвечает Колос. Повредили нам Булгакова на прошлой игре, но ему только в радость к нашей медсестричке заскочить, – а так все.

– Хорошо, ждите Булгакова и на улицу на площадку, жду. – Кивает, задумчивый, и уходит, а мы с мужиками переглядываемся. Чего это с ним? Станный, никогда не приходит нас на тренировку приглашать, всегда ждет стоит просто и, если видит опоздавших, по шее дает. Словесно, конечно, хотя, если надо, он и подзатыльник отвесить может, мы с четырех лет с ним, он как отец нам всем.

Серега возвращается слишком улыбочивый, мы ржем над ним, он уже с полгода на медсестру слюни пускает, а сказать не может, так и ходит при любой возможности к ней и пялится постоянно.

Выходим на улицу, Палыч стоит, читает какие-то бумаги, в шеренгу по привычке строимся, переглядываемся, странно все.

– Итак, молодежь, с сегодняшнего дня изменение у вас небольшое. Мне в радость, вам, думаю, тоже. Устаю я с вами...

– Палыч, ты уходит собрался? – выкрикивает Сава.

– Не дождешься, Савельев, я тут еще тебя переживу. Тренер у вас на земле новый, гонять вас будет как сидоровых коз, я уже договорился, а я три раза в неделю хотя бы тут ваши рожи видеть не буду.

Улыбаемся, ладно, не уходит, уже хорошо. Хотя новый тренер не всегда радость. Если какой козел попадется, то вряд ли сработаемся. Мы не дети уже, с нами сложно, характер у всех разный.

– Значит, так, тренера нового уважать, слушаться, шуточки свои спрятать, все понятно? – киваем. Понятно, конечно, но на тренера сначала посмотреть дайте, а мы решим потом, спрятать шуточки или нет. – Прошу любить и жаловать, Крохалева Ольга Сергеевна, мастер спорта по художественной гимнастике, опытный тренер. Отныне все кардио и силовые на ней.

И выходит она. Та, которая Крохалева. Из-за спин наших. Свисток на груди болтается, она его руками теревит, волнуется. Правильно делает. Мужиков много, красоток все любят.

Мелкая совсем, но не тощая, фигурка что надо. Становится рядом с Палычем, кепку снимает, и...

И она правда красотка, все верно я в холле заметил, когда на скользком полу ее спасал. И без кепки ей больше идет...

Глава 2

АНТОН

То, что она будет гонять нас как сидоровых коз, Палыч не соврал. Ольга эта зараза Сергеевна свисток свой изо рта выпускает, только чтобы выкрикнуть очередное упражнение, а потом опять свистит, да так громко, что от этого звука башка трещит просто невыносимо.

Мы упахиваемся быстро, жара сумасшедшая, нагрузка еще бешенее, пот глаза заливает, щиплет, неприятно. В начале тренировки все пытались пошутить с ней как-то, подколоть, какой-то общий язык найти, прощупать почву. Сейчас же сил и желания ни у кого нет, выжить бы и до душа доползти, потому что потом лед еще, сдохнуть не хочется.

А тренерша с зубками и коготками оказалась, все замечаем. Голос командирский, тренирует классно, по технике поправляет, чтобы суставы себе не убили да связки не порвали. Но молчит, даже на попытки познакомиться не отвечает, все, что не касается тренировки, – мимо. То ли волнуется так сильно, то ли на самом деле грымза, но четко дает понять, что она – тренер, мы – подопечные, не больше.

А мы по-другому привыкли, Палыч-то с нами как с равными, даже на днюхи иногда приходит, если не в клубе собираемся, их он принципиально не посещает, не любит. А эта деловая колбаса тренировку закончила, в свисток свой опять подула, оглушая, и, развернувшись, побрела в спорткомплекс, и слова не сказав.

– Вредная, зараза, но задница зачет, – говорит Леха, он самый старший из нас, ему двадцать семь, но, как малолетка, ни одной юбки не пропустит, на всех обернется, со всеми пофлиртовать успеет. – Интересно, одинокая?

А я не знаю почему, но так зло от его слов становится. Хочется ему рот закрыть, а еще лучше глаза, чтобы не пялился. Задница и правда зачет... Я фигурку заценил еще когда от падения ее спасал, она мне тогда нежнее показалась, чем сейчас, на тренировке, молчаливая такая, растерянная. А тут... терминатор в юбке, ну почти.

Красивая. Правда, очень. Не смазливая, как многие, а красивая. И губы красные, хотя без косметики всякой, свои такие. Кусает часто? От представленной картинке во рту пересыхает. Сглатываю. Какого черта? Мы даже не знакомы толком, а у меня уже фантазии всякие.

Интересно, сколько лет ей? Раз и мастер спорта, и тренер со стажем. Выглядит не больше чем на двадцать, мелкая, хорошенькая. Наверное, если волосы растрепать и маску эту надменную с лица убрать, то и вовсе больше восемнадцати не дашь. На куклу похожа. Вся такая идеальная. Стрижка как под линейку, макияж минимум, одежда сидит как влитая, ну точно куколка. Злая куколка.

– Жесть, верните Палыча, – стонет Колос, лежа прямо на траве. Все устали, даже самые выносливые. – Это что еще за садюга мелкая?

– А они, мелкие, все такие, – поддакивает Сава, и мы ржем. Он-то точно знает, какие эти мелкие. Сава эксперт у нас по коротышкам. – Они характером рост компенсируют. Да ладно, парни, сработаемся! Нормальная она, жопой чую, просто кусается, чтобы мы борзеть не начали.

О да. Что-что, а борзеть мы умеем. Когда Палыч ногу сломал пару лет назад и на целый месяц выпал, мы новому тренеру, что на замену прислали, тоже зубы показали. Он думал, королем тут будет, все уклад наш сменить пытался и свои правила диктовать, но у нас корона на команду побольше оказалась, мы ему-то всю спесь и сбили. Так, что он, поговаривают, вообще из тренерства ушел. Ну и хрен с ним, все равно это явно не для него дело, подход уж слишком дерьмовый.

Так что Ольга Сергеевна с нами не зря так строго, не зря кусается, понимает, что двадцать три здоровых мужика на шею сядут, и не заметишь. Правильно все. Пусть кусается. Я не против.

Перед глазами опять картинки всякие, с укусами связанные, трясую головой, отгоняю мысли. Да какого хрена? Как будто месяц секса не было. Даша же только утром свалила, что со мной? Странное чувство очень. Очень странное. И я не контролирую его. Просто тренерша эта из головы все два часа вообще не выходит, а я не понимаю, что вдруг случилось, что меня вот так заклинило.

Мы еще минут десять лежим всей толпой, пытаюсь отдышаться, между тренировками у нас есть час на восстановление дыхалки, обычно раза три успеваем сбежать покурить. Но сейчас вообще вставать не хочется, упахались все, еще и жара бешеная.

– Курить охота, а встать никак, – говорит Сава, как будто мысли читает. – Так, ладно, мужики, кто курит, поднимайте сейчас свои телеса, позже не пуцу, лед потом, вонять не должно.

Со стонами поднимаемся, кто курит, остальные лежат, счастливые, на траве, отдыхая. Надо бросить, тоже лежать буду и никуда не спешить. Как теперь кататься после такого убийства – не представляю. Палыч нас, походу, реально разбаловал, раз нас хрупкая девчонка за полтора часа так умотала.

Уходим за спорткомплекс, мы всегда сюда за уголок сбегаем. И не видит никто, и вернуться, если что, быстро получится. Тренер знает, что мы грешим, орет часто, особенно после медосмотра, когда пульмонологический анализ не лучший приходит, но быстро успокаивается. Сам курит, видели мы, только ему не сказали. Палыч нормальный мужик, не хотим его компрометировать, поэтому киваем, когда взбучку нам за курение устраивает, и больше стараемся не попадаться ему, чтобы не расстраивать.

Достаем сигареты молча, говорить тоже не очень хочется, кажется, даже язык и челюсть болит. Сава уже полгода бросает, но сейчас курит, Лизка узнает, с потрохами его сожрет. Она уже спалила однажды, что мы за спорткомплекс с сигаретами бегаем, Сава месяц потом не курил, видимо, хорошенько ему никотин отсосали из организма, раз силы воли на целых тридцать дней хватило.

– Интересно, а тренер ваш в курсе, что у него в команде такие раздолбаи, или мне обрадовать его пойти? – звучит где-то рядом, и мы смотрим по сторонам, пытаюсь отыскать обладательницу сладкого голоса. Сладкий, правда, лучше, чем когда она на тренировке орала и рычала. Другой совсем, нежнее, что ли.

Она торчит в окне, прямо рядом, в двух метрах. Какого хрена она тут забыла? Там заброшенная комнатуха какая-то была всегда, мы и курили спокойно, зная, что в окно не спалит никто, потому что от роду никто не заходил туда.

– И вам день добрый, Ольга Сергеевна, – говорит Сава, – ну что ж вы так сразу стучать, м-м? Давайте дружить лучше, мы хорошие мальчики!

Засранец своей улыбочкой любую закадрить может, и хоть его давно никто не интересуется, кроме коротышки, если надо – он кота сразу включает.

А я молчу стою, как немой, и смотрю на эти губы красные, чтоб им пусто было. Ну какого ж ты такая красивая, мать твою, че со мной?!

– Хорошие мальчики режим соблюдают, а не курят по углам после тренировки. Игру сольете, кого винить будете?

– Не царапайся, Ольга Сергеевна, – оживаю, затапывая окурок, и бросаю его в урну рядом, – игры мы не сливаем, и косяки все свои знаем тоже. Не отчитывай как детей, мы мальчики взрослые.

– Ну да, – хмыкает, стервозно бровь приподнимая, а я опять зависаю, теперь на глаза залипнув. Зеленые, или свет так падает? – Взрослые, точно. Уважаемые взрослые мальчики, тут отныне кабинет мой, так что курить или бросаем, что настоятельно рекомендую, или идем в другую сторону, у меня на дым аллергия, все в окно тянет.

– Ну вот, можешь же по-человечески, – хмыкаю. – Мы не звери же, все понимаем. Аллергия – отойдем.

– Можете, – выделяет окончание, глядя на меня исподлобья, – со старшими на «вы», Ковалев. Соблюдайте субординацию. – И, не дождавшись ответа, закрывает окно.

Воу... Не люблю, когда меня отчитывают, но кровь к затылку, и не только, прилила с сумасшедшей скоростью. Мурашки по макушке от ее тона и взгляда бегут, это что еще за колдовство такое?

– Коваль, у тебя слюна капает, – шепчет Серега, и парни ржут, кивая головами.

– Да пошли вы, – отмахиваюсь. Сам знаю, что залип, да и как не залипнуть-то? На нее сутками любоваться можно, у меня первый раз такое, что этих бабских бабочек в животе чувствую. – Ну красивая же.

– Красивая? – повторяет Сава с удивлением. Не так я обычно девчонок характеризую, не такими словами. – Ковалев, ты втрескался, что ли? С первого взгляда, как Колос?

Пожимаю плечами. Хер знает, как это называется и что со мной, но дикое желание есть, чтобы она в окно вернулась и еще что-нибудь сказала, потому что губы эти... Мать твою, надо умыться, я точно с ума схожу.

– Ну так нравится если, – кивает Колос, – давай, делай что-то. А то так и будешь драть на нее, как Серый на свою медсестричку, ночами.

– Да пошли вы! – краснеет Булгаков, и мы ржем, выходя обратно на площадку. Все знают, что он к ней неровно дышит, кроме самой Аленки.

Действуй... А точно нравится? Я не понимаю еще ничего, знаю ее пару часов от силы, просто жмыкнуло как-то, аж искры из глаз. Первый раз такое, я сообразить не могу, почему резко так повернуло на нее, и даже после жесткой тренировки еще одну хочется, только бы глянуть на Ольгу, чтоб ее, Сергеевну.

Ну красивая, правда, я не слепой же, но и красивых вокруг до хера, тут уж как есть, но ни на кого так не екало еще ни разу, как на нее. Я вот даже когда Даше встречаться предлагал, больше из-за того, что удобно, да и между нами вроде искры какие-то, казалось... А тут не искры, тут замыкает и коротит так, что аж самому страшно, и понять хочется, что происходит. Потому что я правда не понимаю, пытаюсь разобраться, а ни хера. Не мог же я реально так быстро втрескаться? Я ее даже не знаю!

Неужели так заикнулся на теме отношений, что почти на первую встречную прыгнуть готов?

Любви с первого взгляда не бывает, херня это все бабская, я не верю в такое. Но залип я, походу, конкретно...

Хотя, может, к утру отпустит, кто знает. Вдруг меня и правда после слов мамы пережевало немного и я херню творить начал?

Но пока я иду в раздевалку, чтобы переодеться на лед, головой по сторонам верчу, надеюсь, что она выйдет. Как ее там? Крохалева. Кроха, значит. Ей подходит.

Глава 3

АНТОН

Утро ни хера не доброе, потому что встать с кровати оказывается непосильной задачей. У меня сто лет такой крепатуры не было, как сейчас, но это реально ад. Болит так, что жить не хочется, не то чтобы вставать и что-то делать. Кроха эта умотала нас вчера, а потом Палыч добил на льду, чтобы жизнь медом не казалась, видимо. Мы спортсмены, конечно, но не роботы же, в конце концов, сломаться можем. Через неделю на сборы ехать в горы куда-то, а если такими темпами продолжим, мы даже до лагеря не доедем. А на сборах нагрузка тоже не слабая, так что побережь бы...

Ладно, тренерам, конечно, виднее, но, сука, больно! Ни руки, ни ноги не двигаются, даже задница болит. Про турс я вообще молчу, хотел наклониться поднять подушку, что ночью на пол упала, на хер эту затею послал. Не сегодня.

В голове пусто – радуюсь. Отпустило, походу, как я и думал, от Ольги Сергеевны. Видать, вчера на фоне всех разговоров и мыслей об отношениях у меня все-таки так поехала крыша, что я вел себя странно, сегодня полегче. Да и болит все так, что, если честно, ни о чем, кроме этого пиздеца, думать не получается. Оно и к лучшему, я вчера себя умалишенным чувствовал, не хочу так снова.

Сегодня опять тренировка, земли нет, зато на льду почти три часа бегать. Уверен, что все мужикидохнут так же, как и я, поэтому тренировка наверняка будет очень веселой, Палыч будет не рад.

Хорошо, что мы почти всей командой дипломы пару недель назад получили. Вставать на учебу я бы просто не нашел сил, потому что даже до душа дойти оказалось той еще пыткой.

Включаю холодную воду, хорошо... Мышцы горячие остужает, и, кажется, становится легче. Становлюсь под струи, а перед глазами губы эти алые и глазища зеленые смотрят в упор, как будто она напротив меня в душе стоит.

Сука!

Трясу головой и потираю веки, да какого черта? Все ж нормально было, не думал даже... Закрываю глаза – снова она. Как издевается, губы в ухмылке кривит, мол, страдай, Ковалев, я тебе и тут жизни не дам. Ну приехали. Открываю глаза, сосредотачиваюсь, не думаю о ней. Закрываю – добрый вечер. Стоит, смотрит, изучает как будто. Пытаюсь не думать – ни хера не выходит. Другие картинки представляю – ноль. Как приклеилась, не денешь никуда.

Вылетаю из душа так быстро, как только могу, учитывая боль во всем теле, натягиваю трусы на мокрое тело и иду на кухню, чтобы позавтракать. Окно открыто, от ветра мурашки, хорошо так, не жарко почти. Отвлекаюсь на готовку, если подгоревшую яичницу с сосисками можно назвать готовкой, пока завтракаю, залипаю в телефон и опять про Кроху не думаю.

Тарелку мою без мыслей, протеиновый коктейль болтаю тоже без всякого, а когда падаю на диван от невыносимой боли в мышцах и глаза закрываю – опять она.

Как издевательство, наваждение какое-то.

У меня крыша едет? Надо мозгоправу сдаваться? Прийти, сказать, помогите, я, кажется, помешался на девушке, с которой толком не знаком. Так, что ли?

Не понимаю ни хера, бешусь уже на себя самого, потому что ну что это за дерьмо вообще. Не могу избавиться от нее, она просто перед глазами стоит и смотрит на меня с легкой улыбкой, а я как обезумевший каждую черточку лица рассматриваю, как будто запомнить пытаюсь.

Отвлекает от нее только телефонный звонок, на экране фотка Даши. Что ей надо? Вчера только ушла от меня.

Первые секунд десять слушаю звонок, думаю, стоит ли отвечать, но потом все-таки поднимаю трубку. Мало ли что случилось у нее, она обычно никогда так скоро не появляется.

– Антош, – мурлычет в трубку, и я закатываю глаза. Ясно. Можно было все-таки не брать. От этого приторного «Антош» можно диабет заработать, потому что искренности в нем столько же, сколько во мне сейчас энергии. Ноль.

– Даш, что-то срочное? – хочу срулить разговор и не слушать, как она соскучилась, сейчас это особенно раздражает.

– Да, очень срочное! Товарищ хоккеист, не хотите пару шайб в мои ворота закатить, а то как-то грустно без вас, в прошлый раз было мало очень...

Противно. Как встречаться со мной, так ей не хочется, а как шайбу забить, так я первый. Она что, мстит мне за всех девушек, которых я использовал? Так хватит уже, я давно все понял.

– Вызови себе шлюху, Даш, и трахайся столько, сколько тебе влезет.

Бросаю трубку и думаю, что надо немного поспать. Режим сегодня идет по одному месту, все к херам болит, я не готов делать зарядку и утреннюю пробежку, еще надо как-то вечернюю тренировку пережить.

Перед сном еще несколько минут рассматриваю Ольгу Сергеевну, которая из мыслей не уходит, а потом засыпаю, уже не видя картинок. Хотя бы тут от нее отдохну...

Но отдохнуть не получается, я только проваливаюсь в сон, и она возвращается. В этих чертовых лосинах, задницу обтягивающих, и с губами своими нереальными. Я не понимаю, как такое бывает, что они сами по себе красноватые, но желание вгрызаться в них зубами, а потом языком зализывать просто бешеное.

Сквозь сон чувствую, как член просыпается в отличие от меня, я с такими картинками просыпаться вообще не хочу никогда. Потому что Оля во сне не кричит, не гоняет меня с отжиманиями, она подходит близко и гладит меня по торсу, переходя к паху, и, сука, опять кусает эти губы, на которых я реально помешался, походу.

Ольга Сергеевна во сне на колени передо мной становится, в голову долбит сумасшедшее удовольствие, в глазах искры летают. Походу, мне реально потрахаться надо, подрочить хотя бы, потому что я как будто по-настоящему ощущаю, как она труссы с меня снимает и языком горячим по члену проводит.

А я шиплю, так хорошо, руку вниз опускаю, чтобы волосы на кулак намотать, но почему-то вместо короткой гладкости в руке ощущается какая-то кошка пушистая.

Какого хера?

Открываю глаза и со стоном зажмуриваюсь, потому что на коленях передо мной не Оля, а Даша, удобно сидящая на полу между моих ног. Надо было не давать ей ключи, это было очень плохой идеей.

Надо бы вырваться и послать ее, наверное, но мозг сейчас вообще не работает, телом управляет член, а членом – язык и пальцы Даши. Рыжая знает, что у меня от минета мозг отключается, и пользуется этим уже совсем не первый раз. Только раньше я всегда не против был, сейчас же – чуть тошно. Хотя приятно больше, не могу не признать.

Не сдерживаюсь, заканчиваю быстро, о том, что надо бы потерпеть и позаботиться о Даше, тоже не думаю. Отпускаю себя в надежде, что после этого хоть немного не буду думать о Крохе, потому что эти постоянные мысли о ней немного запаривают. Для меня очень странно, что я так повернулся на практически первой встречной, хер знает, чем все это может закончиться.

– Если ты думаешь, что я насытилась, – говорит Даша, усаживаясь на меня сверху, – то ты ошибаешься. Я хочу еще.

– А я хочу, чтобы ты отвалила, Даш.

Скидываю ее на кровать и встаю, преодолевая боль в каждой мышце. Рыжая хмурится и бесится, что отталкиваю, потому что обычно мы с ней совпадаем в желаниях.

– Антон, что случилось? – Садится на кровати, сарафан поправляет. Делает вид, что правильная, обижается. А я не понимаю на что. Я прямо сказал, приезжать не надо, вызови себе мальчика. Сама приперлась и в трусы мне залезла, я не просил.

– Даш, тебе какого хера от меня надо? – Подхожу к окну, к Даше спиной стою, открываю на всю и достаю сигарету, срочно нужна доза никотина. – Я тебе сказал, чтобы ты отвалила? Сказал. Я дал понять, что желания видеть тебя у меня нет? Тоже да. Так какого хера, Даша, ты притащилась сюда, а теперь обижаешься, что я не позаботился о твоём оргазме?

Даша не отвечает, и я на пару минут ухожу в мысли. Мне самому странно то, что со мной происходит, как будто бы вместо меня резко появился кто-то другой, но сейчас комфортно так. Вот так, чувствую, нужно, и иначе не хочу.

Смотрю на улицу, жара лютая, полдень, почти нет никого, редкие прохожие пытаются спрятаться в тени по возможности, а я от Даши сейчас с удовольствием бы в самое пекло сбежал, чтобы не лезла.

Но она русский язык понимать не старается, видимо, потому что ответом на мои вопросы служит лишь тишина и мягкие объятия за талию сзади. Она прижимается щекой к спине и ведет коготками по торсу, но вместо возбуждения от привычного действия меня снова немного тошнит.

– Я не понимаю, что случилось, – шепчет, не прекращая движений, – еще пару недель назад ты в очередной раз предлагал мне встречаться, а сейчас, когда я решилась и приехала, ты меня отвергаешь.

– Решилась? – усмехаюсь зло и бросаю окурок. – Решилась на что, Даш?

– Ответить взаимностью.

– Да мне на хер не упала уже твоя взаимность, – отбрасываю руки и делаю пару шагов в сторону, не хочу, чтобы трогала меня. Решилась. Сложно, наверное, было решиться на отношения с таким дерьмом, как Антошенька. Потому что мы же доверять ему не можем, он же поматросит и бросит, а еще обязательно всему миру расскажет, что Даша с ним по собственной воле трахалась. – Ты думаешь, я ждал сидел все это время, когда ты решишь, что не такое уж я и дерьмо? Даш, ты классная, конечно, но у меня тоже сердце есть, вот новость, да?! Кинь ключи на тумбочку и проваливай, меня достало то, что ты меня считаешь своей собачонкой, хочу – не хочу.

– Ты же сам хотел... – шепчет растерянно, как будто реально думала, что я как верный пес ее до конца жизни ждать буду и верность хранить.

– Соглашаться надо было тогда, когда хотел. А сейчас хочу, чтобы ты ушла, пока я тебе окончательно гадостей не наговорил и все отношения с тобой не испортил. Справисься?

– Справлюсь, – говорит тихо через несколько секунд молчания, и я снова отворачиваюсь к окну, опуская голову. Слышу, как звенят ключи на тумбе, через секунду хлопает дверь. А в душе снова раздрай какой-то творится, с которым разобраться никак не могу...

Глава 4

АНТОН

– На сборы едем поездом, встречаемся на вокзале в шесть тридцать, кто опоздает, вылетит из команды или побежит за поездом, решать вам. Двадцать один день мы там, обратно таким же маршрутом. Все поняли? – вещает тренер перед тренировкой. Да поняли мы, сто раз уже говорил. Сборы через две недели только, но он, как обычно, оповещает сильно заранее, чтобы информация на подкорке сохранилась и мы в нужный день на автомате встали и до вокзала доехали.

А про опоздавших он тоже не шутит, Леха у нас один раз до следующей остановки поезда машиной гнал, чтобы успеть и из команды не вылететь.

– Дополню, – звучит справа, и мы дружной толпой поворачиваем головы. Оля. Сергеевна, которая, опять в кепке своей дурацкой, из-за которой глаз красивых не видно. Подходит к Палычу, шепчет ему что-то, он кивает и дает ей слово. – Перед поездкой сдать всем анализы, за три дня до отправки явиться в медкабинет с баночками мочи, кровь у вас возьмет Алена Викторовна.

– А почему сама Алена Викторовна нам это не сказала? – спрашивает Серега, и мы с парнями переглядываемся. Ромео, блин.

– Потому что на базе будет свой врач, Алена Викторовна не едет, и за все данные о вашем здоровье буду отвечать я. Еще вопросы?

– Вы тоже едете? – спрашиваю, не подумав. Вопрос сам с языка соскакивает.

– Нет, Ковалев, я буду издалека за ваши данные отвечать и смотреть, чтобы было с вами все в порядке.

Она кивает тренеру, пока пацаны ржут, а я голову опускаю и усмехаюсь. Да что ж ты кусаешься постоянно, а...

– Ну что, Коваль? – подъезжает Сава, когда Палыч говорит прокатить пять кругов для разминки. – Все-таки зацепила, да?

– Да херня какая-то происходит, Сава, я сам не пойму, че со мной.

– Слюни у тебя на нее текут и член стоит, ясно же че, втрескался ты, походу.

– А ты сам-то давно таким экспертом стал? Сколько над коротышкой издевался, пока не дошло, а?

– Ну так ты тоже вроде как на коротышку мою поглядывал. Но не шибло так, как сейчас, правда?

Втрескался. Точно. В ту, с кем даже не общался. Как такое вообще возможно? Чтобы вот так в секунду по стене от нее размазало? Я всю ночь на нее во сне любовался, это уже помешательство какое-то, я с трудом реальность от фантазий отличаю.

А она еще колючка такая, как назло, на обычные вопросы укусами отвечает, не улыбнется лишней раз, взгляд свой стервозный всегда держит, слабинку не дает. И как назло, этим всем манит, как магнит, и я ведушь как дурак, даже не пытаюсь сопротивляться.

– Вы че такие вялые! – орет Палыч, заметив, что желания заниматься ни у кого нет.

– Так нас Ольга Сергеевна вчера так умотала, что сегодня сил даже жить нет, вы бы попросили ее с нами помягче, у нас помимо ее тренировок еще лед есть! – возмущаются пацаны.

– А вы в спорт работать пришли или просить, чтобы вас жалели? – На трибунах сидит, смотрит, не ушла, значит. – Хотите, проведу вам бальные танцы, раз вы такие нежные.

Черт... Ну что за девушка такая невозможная. Не язык, а лезвие, режет и режет каждой репликой, не жалея. И пофиг ей, что нас двадцать три здоровых мужика, а она одна дюймовочка мелкая, знает, что выше каждого из нас, в своих силах уверена.

– Работать будем, Ольга Сергеевна, – говорю, глядя на нее с прищуром, – без жалоб.

– Надеюсь, Ковалев, – кивает и демонстративно с трибуны уходит. – Простите, Виктор Павлович, я их потяну в следующий раз, чтобы мышцы не забивались так сильно, – говорит тренеру, проходя мимо, а у меня от одной мысли волосы дыбом. Потянет она нас. Я бы сам ее... кхм... потянул.

Палыч всю тренировку на нас выверяется, что мы никакие, работать не хотим. Опять за сборы напоминает и почти выгоняет нас со льда, недовольный. А мы и так все из последних сил пытались, но только к третьему часу мышцы размялись и боль почти ушла.

Иду в медпункт, хочу попросить мазь какую-нибудь разогревающую, потому что все прошло, а шея странно ноет, потянул, наверное, не заметил даже когда. Открываю дверь без стука и тут же закрываю обратно, ухмыляясь. Слышу там недовольство одной злобной невысокой тренерши и усмехаюсь еще веселее. Ну, кто ж знал, что именно в этот момент ей укол наша Аленка ставить будет? Еще и хорошо так, стоя, прямо нужным местом к двери. Я, конечно, рассмотреть не успел особо, слишком нагло было бы с моей стороны, но кусок какой-то татуировки, выглядывающей из штанов, заметил. Теперь же точно хер усну... Мало того, что задница у нее что надо, так еще и думать буду, что там за рисунок у нее изображен. И, мать твою... Мне жизненно необходимо узнать, что там.

– Манерам вы не обучены, Ковалев? – только открыв дверь кабинета, сразу налетает на меня. Злая, губы поджаты, а я на глаза залипаю, потому что кепки нет, видно все так хорошо, что мурашки. Зеленые! Не показалось, значит. Яркие такие, как будто их изнутри кто-то фонариками подсвечивает. Интересно, свои такие или линзы носит? Я таких глаз еще никогда не видел... – Ковалев, вы разговаривать разучились?! Я спрашиваю, стучать не учили?

– Ольга Сергеевна, ну что ж ты колючка такая, а? Не постучал, каюсь, в это время тут никого кроме мужиков нет, не привык еще, что в команде теперь есть девушка и что нужно это иметь в виду. Не кричи, я почти ничего не видел.

– Вы хамло, Ковалев. И хватит мне «тыкать», я вам не подружка.

Разворачивается и уходит, прихрамывая, а я залипаю опять, стою как вкопанный, пока она за угол не заворачивает. Вот дерьмо, а? Как магнитом тянет, хоть ты убей, не могу заставить себя голову отвернуть, а мимо Колос идет и посмеивается, они на пару с Савой достали меня уже, в один голос орут, что втрескался.

Захожу в кабинет, Аленка вся грустная сидит, но спрашивать, что случилось, не хочется. Лучше Серому маякну, что принцесса его без настроения, пусть яйца в кулак сожмет и пойдет покорять медицинский персонал.

– Ален, дай чем шею намазать, болит, зараза, потянул, походу.

– Иди переодевайся, я тебе тейпы наклею для фиксации.

Переодеваюсь быстро, пока на Кроху залипал, почти все парни уже по домам разбежались, не отвлекает никто разговорами. Быстро в душ, собираю сумку и обратно к Аленке, задер-

живать ее тоже не хочется, вечерняя тренировка поздно заканчивается, она только из-за нас тут торчит.

Иду по коридору уже в полной боевой готовности, шею зафиксировали, даже обезбол вручили, чтобы ночью не мучился. А я буду, жопой чувю, что буду мучиться, только не от боли в шее, а от той самой картины, которая мне наверняка снится будет. Не то чтобы это сильно похоже на мучение, но все-таки.

Замечаю в холле коротышку Савы, пока он по телефону кому-то что-то орет, она рядом стоит, дрожит как воробей в его толстовке. Замечает меня, улыбается, бежит, руки раскрыв, и я обнимаю ее крепко, в макушку мокрую целую и по спине по привычке поглаживаю. Мы правда подружились, даже очень, после того, как друг перед другом извинились, как она нас с Савой помирила, как понял, что на девушку друга никогда в жизни претендовать не буду.

– Анто-о-ошка, – улыбается малявка, не разрывая объятий.

– Ты чего такая мокрая?

– Да там ливень! Я недалеко была, прибежала сюда вот, чтобы с Темой поехать, потому что не добежала бы сама по такой погоде.

Выглядываю в окно – реально льет как из ведра. На тренировку шел, была жара бешеная и ни одного облачка, а сейчас ветер сумасшедший и дождь стеной.

Краем глаза замечаю, что Ольга Сергеевна тоже к выходу идет, поворачиваю голову, следя за ней, и тут же за ребра меня коротышка щипает и улыбается ехидно.

– Так во-о-от кто сердце нашего Антошки забрал, да? Красивая, Тош, мне нравится!

Мне тоже, Лиз, мне тоже...

– Сава трепло, – закатываю глаза.

– Иди, подвези ее, она, судя по всему, тоже пешком собирается, давай. – Коротышка толкает меня в спину, и я иду к Крохалевой, понимая, что отбреет она меня сейчас как лоха и буду я опять дома грушу в психах лупить.

Поворачиваю голову, а Лиза так и смотрит, кивая мне, и я вздыхаю. Ладно. Попытка не пытка, тем более что ходить и просто смотреть на нее – это уже маньячество, надо и правда попробовать с ней хоть как-то общий язык найти.

– Ольга Сергеевна, подвезти вас? – акцентирую на последнем слове, чтобы опять не запела про субординацию, ведьма. – Дождь стеной, промокнете.

Хочется мне пошутить, что рядом со мной она тоже может промокнуть, но рот закрываю, не оценит, только еще больше рычать начнет. Не понимаю, почему она злючая такая, когда молчит, совсем другой человек же.

– Такси вызову, – отвечает, не глядя на меня. Дуется за то, что задницу ее увидел, вот же...

– Я не кусаюсь.

Если ты не попросишь.

– Не думаю, что ваша девушка оценит такой поступок, – хмыкает, быстро оборачиваясь на Лизу. А та уже всю с Савой обнимается, и теория Крохи прахом идет, вижу, бесится из-за этого.

– Так, может, все-таки подвезти?

Она долго думает, и на пару минут даже маска злючая спадает. Оля кусает губы, а я пытаюсь держать себя в руках, чтобы не наброситься на нее прямо тут, в этом чертовом холле.

Твоя взяла, Сава, я конкретно запал!

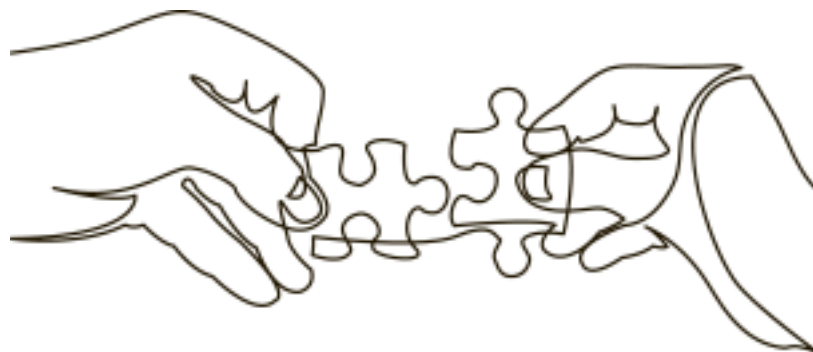
Мимо нас пронесится парочка, машут нам и выбегают под дождь. Сава тащит Лизу на плечо к машине, а я улыбаюсь как идиот, потому что зрелище офигенное же! Круто, когда кто-то любит, еще круче, когда это взаимно. Но у этих тоже не сразу радужно все было, может...

– Я оплачу бензин, – вдруг оживает Ольга Сергеевна, сдаваясь, и я мысленно танцую победный танец. Наверное, это даже не шаг, а всего лишь половина шажочка, но, по крайней мере, не остановка на красном.

– Не бедствую, Ольга Сергеевна, чтобы подвезти вас, бензин точно найдется. – Улыбаюсь и открываю дверь, пропуская ее вперед, и показываю пальцем на машину, к которой нужно добраться. – Справа черная, побежали?

Глава 5

АНТОН

Честно, даже не надеялся, что она все-таки согласится поехать со мной, но, видимо, дождь ей неприятен сильнее меня, раз она почти даже не сопротивлялась. Улыбаюсь, открывая ей дверь машины, и бегу к водительскому, потому что ливень реально сумасшедший, глаза заливают, ни черта не видно.

Кручу головой, стряхивая капли, и замечаю, как дрожит Кроха. Промокла все-таки, пока по ступенькам бежали, а теперь мерзнет. Включаю печку, не помню, когда делал это последний раз летом, но не хочу, чтобы Оля дрожала. Нет, хочу, конечно... Но чтобы не от холода и противного ливня. А это чуть позже, пока она меня не слишком уж вниманием балует.

– Не замерзли, Ольга Сергеевна? Сейчас согреемся, я печку включил. – Бесит ей выкатать, она такая маленькая, что чувствую себя дураком, когда так говорю. Но она же наверняка снова выпустит колючки и начнет затирать мне про субординацию, если я обращусь к ней на «ты».

– Нормально, Ковалев, не зима же все-таки, промокла просто.

Заставляю себя прикусить язык, а с ней рядом пошлости так и просятся изо рта выско-чить. Всякого наговорить хочется, пофлиртовать как-то, поцеловать нагло, но, блин, первый раз такое, что я, как подросток-девственник, не знаю, как к девушке подход найти. Не действуют на нее подкаты банальные, раз она даже на обычное общение фыркает. К ней подход нужен, она не та дурочка, которая на все согласна, другая она. И подход придется поискать.

Одно радует – она едет с нами на сборы. А это Сочи, горы, море, купальники, ночи на пляже под луной, круто же! Романтика создается даже без усилий, а если еще и самому постараться... ух! Крутое времяпровождение нам обеспечено. Мне так точно, потому что от одной мысли, как Ольга Сергеевна в купальнике на пляже загорать будет... О-о-ох, как прожить эти две недели и не сойти с ума? Было бы круто поехать туда, уже будучи глубоко в отношениях, но пока я реально не знаю, с какой стороны лучше к Крохе подкатывать.

Поэтому факт того, что она сейчас сидит у меня в машине, меня очень радует. Надеюсь, она живет не очень близко и у меня будет чуть больше чем три минуты, чтобы хоть немного попытаться с ней поговорить.

– Надеюсь... – начинает она снова ядовито, и мысленно закатываю глаза. Ко-лю-чка. Хер пойми, чего она такая, возможно, есть причина, а может, просто характер дерьмовый, но уже надоело, что рычит постоянно. Причем на всех, не на одного меня. Ну нормальные ж мужики, ну че она. – ...Что вы нормальный водитель и мы доедем в такой ливень в целости и сохранности.

Кроха... я за рулем официально четыре года, а до этого с четырнадцати с батей по району гонял. Сомневаться в моих способностях слишком оскорбительно, особенно если это касается вождения. Да я родился за рулем!

– Опять кусаетесь? – хмыкаю, завожу машину. – Был бы неопытный, не стал бы помощь предлагать, мало ли что. За кого меня вообще принимаете?

– Да, я что-то... – и она вдруг смягчается. Расслабляется заметно, даже по сиденью съезжает немного, а у меня камень с души точно так же съезжает. Ну вот. Хоть немного оттаяла, ледышка, не зря печку включал. – Простите, Антон, и спасибо, что мне не пришлось бежать по дождю.

– Грех не помочь такой красивой девушке, – усмехаюсь, выезжая, вижу, как закатывает глаза на эту реплику. Нет, ну а что? Красивая же? Красивая. Я врать не собираюсь.

– Не наглеть, Ковалев, – прищуривается, но губы все-таки сжимает, пряча улыбку. Бля, ну эти губы... Я как одержимый какой-то попробовать их хочу, спать не могу, сука, все представляю, как поцелую их первый раз.

Спрашиваю, куда ехать, она называет адрес. Недалеко отсюда, но и за минуту не доедем, нормально, поболтать хоть немного успеем, я молчать не собираюсь. Хер знает, когда еще выпадет возможность вот так с ней рядом побыть, надо пользоваться.

– Не рычи на нас, Ольга Сергеевна, – говорю за всю команду, надеюсь достучаться, – мы нормальные все, правда. Плохого никто не сделает, мы с детства вместе, отвечаем друг за друга. Шутим с тобой, чтобы общение чуть проще сделать, а ты все кусаешь и кусаешь. Мы вообще котики, давай дружить, и самой комфортнее станет.

– Как с вами дружить? Сразу пользоваться начнете, на шею сядете...

Закрой рот, Ковалев, забудь про эти идиотские шутки при ней, не смей.

– Мы пахать привыкли, даже если мать родная гонять нас придет, борзеть не будем. А если начнет кто, ты только скажи, я разберусь. – Молчит, в окно смотрит, и я затыкаюсь все-таки. Мы почти приехали, замедляюсь, чтобы подольше с ней побыть, жаль, что время нельзя растянуть до вечности. – Ольга Сергеевна, а можно ваш номер? Ну мало ли, рабочий вопрос какой...

– Рабочие вопросы давайте решать в рабочее время, – вдруг улыбается, профессионально меня отбывая снова. Останавливаюсь у подъезда, на который показывает пальцем, желание заблокировать двери и никогда не выпускать Кроху из машины бешеное. Но вольность такую себе позволить не могу, сам себе удивляюсь, когда это таким покладистым стал.

Оля благодарит еще раз и выбегает из машины, быстро забегая в подъезд, чтобы не мокнуть, а я...

А я, точно как маньяк обезумевший, втягиваю носом запах салона, который ее сладкими духами пропах, и улыбаюсь совершенно по-идиотски.

Попал ты, Ковалев. Очень сильно попал.

* * *

– И чего довольный такой, Коваль? – спрашивает Леха, когда захожу в раздевалку. Сава с Колосом переглядываются и синхронно хмыкают, а я закатываю глаза. Ну вот что они? Колос сам в Алису с первого взгляда втрескался, и я в отличие от него над ним не ржал. Наоборот, радовался, что там взаимно все оказалось. Мне такого счастья не перепало...

– Погода хорошая, вот и радуюсь.

Погода и правда хорошая, дождя как и не было. Снова жара, солнце слепит, лужи еще с утра высохли, словно не было ливня вчера.

Но на погоду мне плевать с высокой колокольни. Просто в машине до сих пор духами Крохи пахнет, а я всю ночь спал как младенец, тренировками измученный и общением хоть немного насытившийся.

У нас земля сегодня, полтора часа с Крохой заниматься снова будем, и я готов жертвовать все еще ноющей шеей и выкладываться на полную, чтобы увидеть одобрение в ее глазах.

– Подвез? – улыбается Сава, когда выходим на улицу. Он-то видел, что мы вместе стояли, да и Лизка наверняка ему все пересказала. Киваю, улыбка сама собой на волю просится. Точно сумасшедший.

И мне нравится это состояние. Оно очень странное, но эмоции только положительные приносит. Я давно очень загоняться темой отношений начал, потому что ни к кому не тянуло, никто не нравился сильно, а завести семью в сорок, как отец, мне не хочется. Потому что у нас с ним пропасть в общении, слишком большая разница в возрасте, а для своих детей я другом быть хочу. И в двадцать два уже можно об этом думать, как раз к двадцати пяти обзавестись первенцем, почему нет? И вот этот вулкан в груди, который при виде Ольги Сергеевны бушует, он дает надежду на то, что все получится, что я тоже живой человек и любить вообще-то умею, а не только трахаться, как Даша считает.

Рыжая еще... Выгнал ее, а теперь на душе тошно, хер пойми почему. Надо позвонить и извиниться, наверное. Все-таки мы нормально общались.

Бабушка бы сейчас хмыкнула и сказала, что я становлюсь человеком. Ядовитая женщина была, но справедливая.

– Но номер свой не оставила, – делюсь с друзьями. – Бреет меня, хоть ты тресни...

Бреет, а еще гоняет, как школьников провинившихся. Но, честности ради, не рычит, как позавчера. То ли мои слова на нее так повлияли, то ли еще что-то, но она заметно смягчилась к нам. Не в тренировках, правда, но это правильно. Может, рельеф сильнее прорисовывается от таких нагрузок, как раз на сборах можно будет похвастаться, девчонки любят кубики.

– Давайте еще подход на турниках и сделаем растяжку.

– Вы не шутили, что ли, Ольга Сергеевна? – удивляется Серега.

– Не шутила, конечно. Вон Ковалев без растяжки шею потянул, – кивает на мои тейпы, – тоже хотите так?

Мягкая. Так еще сильнее нравится. Тает лед, тает!

Растяжка... это издевательство.

Во-первых, это пипец как больно. Во-вторых, Кроха ко всем нам наклоняется, то упражнения показывая, то подходя и контролируя технику, а вырез на ее майке... сука! Какая растяжка со стояком? На живот лягу, газон проткну, можно будет в гольф играть. Расслабиться надо, а я, наоборот, напряжен каждой клеточкой тела. Потому что она тут вся красивая ходит, а еще трогает всех, помогая, а на нее больше половины мужиков пялятся. Бесят...

– Ковалев, если так напрягаться во время растяжки, можно порвать мышечные волокна, связки, потянуть сухожилия и проваляться дома несколько месяцев на реабилитации. Хотите?

Головой качаю. Не хочу, конечно, что за вопросы, дома Ольги Сергеевны нет, мне сюда надо, тут быть!

– Вот не хотите если, то расслабляйтесь, – она становится сзади, надавливая на мою спину, пытаюсь меня в складку сложить. А я деревянный! Не могу расслабиться, когда она рядом, мышцы – камень. Сажу на газоне, почти не сгибаясь, и сделать ничего не могу.

А Кроха не помогает вообще. Она наваливается на меня всем своим еле ощутимым весом, желая все-таки растянуть меня, и я вообще улетаю. Потому что грудью к спине моей прижимается, не замечая даже, работе полностью отдается, а я все... Труп просто, «Скорую» срочно, сдохну сейчас от тахикардии, спасти не успеют.

С горем пополам заставляю себя расслабиться, только бы пытка эта закончилась, хотя, с другой стороны, вечность бы так просидел, ощущая ее округлости. В трусах от возбуждения

уже больно, надо срочно дышать, а еще в идеале холодный душ принять и присесть раз двадцать.

– Вот, так отлично. Кому еще помочь? – спрашивает.

– Мне, – с улыбкой отвечает Леха, похотливым взглядом Кроху мою сжирая, а я психую от этого, кулаки непроизвольно сжимаю.

Но Оля, видимо, тоже взгляд этот на себе ловит, даже я такого себе не позволяю, хотя хочется позволить с ней себе вообще все. Она ухмыляется, подходит к нему, и, как только он наклоняется, она садится к нему на спину, как на стул, ногу на ногу закидывает и сидит посмеивается, пока он там снизу от ноющих мышц корчится.

И я радуюсь, как придурок, как будто она это из-за меня сделала, и на эйфории после тренировки подлетаю к ней.

– Подвезти, Ольга Сергеевна?

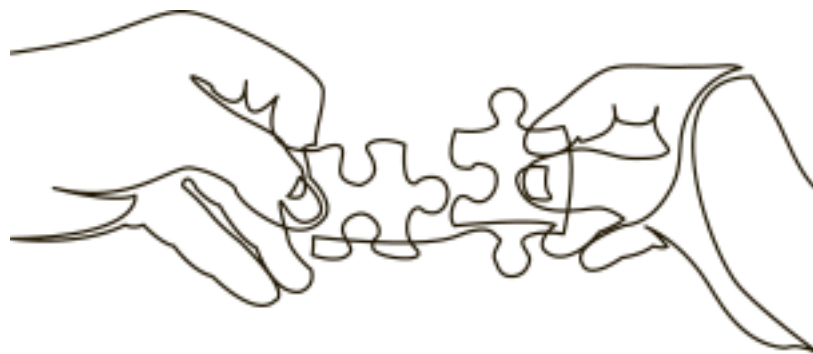
– Спасибо, Ковалев, но сегодня дождя нет, поэтому не нуждаюсь, – говорит, даже не взглянув на меня, и уходит, виляя задницей, чтоб ее...

– Опять отбрила? – подходит сзади Колос, закидывая руку мне на плечо.

– Да жесь!

Глава 6

Антон

Этим утром мышцы почти не болят, и чувствую я себя вполне сносно. Снова спал всю ночь как убитый, напивавшийся прикосновениями Крохи, правда, сны такие видел, что ух... Секса невозможно хочется, но вот проблема такая, что хочется только с ней. Шальная мысль позвонить Даше или пойти снять кого-то в клубе в голову заскочила, но я ее быстро оттуда клюшкой выбил, потому что не хочется больше так, чтобы на одну ночь и тупо ради секса.

Я Олю хочу. Сергеевну. Так сильно, что стояк не падает почти, когда о ней думаю. А думаю я постоянно!

Сегодня у нас земли нет, но Кроха наверняка будет в спорткомплексе. Сава вчера сказал, что она и его мелких взяла тренировать два раза в неделю, а у него как раз сегодня занятие с ними перед нашим льдом.

Именно поэтому иду пораньше, чтобы точно увидеться. Жизненно необходимо на нее глянуть, как зависимый за дозой бегу.

Недалеко от спорткомплекса бабуля цветы продает, замечаю, когда паркуюсь, и ноги сами туда тянут меня. Что скажу Оле – не знаю. Что буду делать, когда отошьет, – не знаю. Но девочки любят цветы, да? Что-нибудь придумаю. На крайний случай букет в руки кину и убегу, чтобы обратно не вручила.

Бабуля продает полевые, на мой вкус красиво, но вкус у меня только на одежду и девчонок точно хороший, другому доверять опасно, однако выбирать не приходится, и уже через минуту я тащусь по коридорам спорткомплекса к кабинету Ольги Сергеевны, надеюсь застать или, наоборот, не застать ее там.

И ее нет, и дверь не закрыта, но, думаю, это к лучшему. Быстро ставлю букет в какое-то подобие вазы, оставляю на столе и сбегая быстро, пока она меня не заметила и букетом этим по роже не съездила. Начнет опять свою песню про субординацию, про наглость и блабла. Других девчонок не отцепишь, как прилипнут, а эта только и делает, что отталкивает. Понимаю, что мы все еще ни черта не знакомы, меня слишком быстро на ней заклинило, но, мать твою, что ж ледяная такая!

Перед тренировкой она не появляется, во время тренировки тоже. Постоянно пытаюсь найти ее глазами, косячу из-за этого, Палыч орет:

– Ковалев, тебе очки купить? Где ты летаешь?!

– Простите, Виктор Павлович, задумался.

– Задумался он. Десять отжиманий, упор лежа!

Отжиматься на льду то еще веселье, стоять на льду краем лезвия и голыми руками в лед упираться. Палыч всегда заставляет снимать перчатки, чтобы наказание жестче ощущалось, и

это всегда работает. До конца тренировки я беру себя в руки, но в редкие секунды все-таки ищу Кроху глазами. Только все без толку. Ее нет.

– Сава, слышь, – спрашиваю, когда уже сидим в раздевалке, – у тебя Сергеевна детей забирала сегодня на тренировку?

– Не, она свалила куда-то на два дня, сказала не беспокоить, и вообще по субботам вроде работать не будет она.

Интересно... Куда она так бежит по субботам, что не приходит на работу?

Мне хочется знать о ней все, помочь чем-то, если нуждается. Домой отвозить, в кино водить, эмоции какие-то дарить, смотреть, как улыбается. Пока же из эмоций в мою сторону у нее раздражение и фыркание, но от ненависти до любви один шаг вроде, а я и сто шагать готов, если в итоге все во взаимность с ее стороны выльется.

– Сколько ей лет? – вдруг спрашивает Леха. В последнее время бесит меня, аж кулаки чешутся, хотя мы все время нормально общались. Просто он так на Кроху смотрит, что у меня кровь в венах закипает, а Леха в свои двадцать семь бабник похлеще нас всех, вместе взятых, будет. Он был женат, два года прожили и развелись, не знаю причины, но после того он девчонками только так пользуется, и мне очень не хочется, чтобы он мою Кроху трогал.

Мою? Ай, да пофиг, мою! Будет моей. Тот факт, что у меня при виде нее сердце быстрее стучать начинает, я просто так не опущу. Екает, искрит, значит, надо все сделать, чтобы себе забрать.

– Двадцать шесть, – отвечает Сава. Вау. Серьезно? Выглядит на двадцать максимум.

Леха хмыкает и смотрит на меня хитро. И я понимаю почему. Потому что ему-то двадцать семь, а мне двадцать два. И это тот самый идиотский стереотип, где парень должен быть обязательно старше девушки. На черта, а главное – зачем? Мне вообще похер, кто старше, кто младше, если чувства есть. Да и разница-то плевая, четыре года всего. Короче, меня ничего не смущает, и эту улыбочку с лица Лехи стереть хочется. Только из команды вылететь желания нет, у нас с драками строго, мы с Савой подрались как-то, оба таких звиздюлей от тренера отхватили, что месяц пахали в два раза больше остальных, чтобы мозги на место встали. И встали же! Теперь если драка, то только за стенами комплекса и в идеале только с теми, кто не в твоей команде. Но лучше словами, конечно, потому что за синяки и сбитые на стороне кулаки тренер нас тоже гоняет.

* * *

Ночь эту я ни черта не сплю, перед глазами Оляка, которой мне сегодня катастрофически не хватало. Запах ее из машины выветрился почти, в комплексе ее не было, хоть вой от недостатка Крохи в организме.

Пытаюсь найти ее в соцсетях, но никакой Оли Крохалевой нигде и в помине нет. Есть одна, но точно не моя, а других мне не надо. Надо было хоть сфоткать ее по-тихому, чтобы любоваться, а то так и кукухой отъехать можно.

Как будто я уже не отъехал...

Хожу как вампир за жертвой, и сотни других меня не привлекают, она нужна!

Пытаюсь дремать, выходит хреново, представляю в голове картинки, как я первый раз ее поцелую. Встает моментально, и я вою в подушку и на рассвете поднимаюсь делать кофе. Со сном отныне большие проблемы.

Воскресенье единственный выходной от тренировок на неделе, но я упакиваю себя сам, чтобы хотя бы сегодня нормально уснуть, иначе, если я и завтра буду косячить, Палыч меня и с ближайшей игры снимет, и на сборы не возьмет.

Перед сном устраиваю вечернюю пробежку и колочу грушу около часа, принимаю душ и падаю на кровать без сил. Уставший и вымотанный организм засыпает так быстро и крепко, что эта ночь становится первой за последнее время, когда я не вижу никаких снов.

А утром, порядком отдохнувший, лечу на тренировку, надеюсь, что Кроха вернулась и напитает меня сегодня прикосновениями.

Кошусь направо, бабуля с цветами снова сидит, но покупать новый не решаюсь, потому что понятия не имею, как отреагировала Кроха на первый букет, догадалась ли, от кого, понравилось ли ей.

Захожу в спорткомплекс и вижу, как Оля почти бежит к выходу, залипнув в телефон. Она поскальзывается на этой идиотской плитке, и я едва успеваю подбежать и спасти ее от падения.

Ловлю ее, точно как в день знакомства, а мне только в радость прижать ее к себе, да еще и для такого дела. Пахнет она крышесносно, выглядит еще лучше. Залипаю на губы и забываю, что надо бы Кроху уже отпустить, пока она не бьет мне по груди ладонями, оживляя.

– Спасибо, – вроде благодарит, что упасть не дал, а вроде хмурится, опять недовольная. Из-за того, что отпускать не хотел? Так я и сейчас не хочу, приходится просто, чтобы за маньяка меня не посчитала и вообще не отдалилась, когда хоть немного стена между нами пошатываться начала.

– Где пропадали, Ольга Сергеевна? – спрашиваю, сунув руки в карманы, чтобы не схватить ее и на плече к себе домой не унести, забирая от всех. Бесят эти взгляды на нее, бесит, что взаимности от асфальта больше, чем от заразы этой. Я девчонок тупо не умею добиваться, не приходилось никогда. Сами липли как пиявки, а тут ни в какую.

– Дела были, Ковалев, – фыркает – бешу ее. – Вам-то какое дело?

– Соскучился, – пожимаю плечами, снова ее с толку правдой сбивая. Я же уже говорил, что врать не буду. – Хорошо с вами, а без вас грустно было, даже полюбоваться некем.

– У вас вполне симпатичные сокомандники, – хихикает.

– Мне больше девушки нравятся. Спортивные, зеленоглазые, колючие и вкусно пахнущие, – добиваю ее, пытаюсь сделать вид, что меня не задело слова о том, что в команде у нас симпатичные есть. Кого это она уже заприметила?!

– От вас цветы, да? – прищуривается, как будто в убийстве меня подозревает. Видела букет, значит. Интересно, выбросила?

Киваю. А чего отрицать? Сказать, не мое, чтобы она ухажера в ком-то другом искала? Не-не, мне такого счастья не надо, я единственным быть хочу. Поэтому и о симпатии ей почти напрямую признаюсь, чтобы не ходить вокруг да около и не ждать, пока ее кто-то другой к рукам приберет.

– Это лишнее, – поджимает губы и в глаза мне не смотрит, сверлит взглядом окно. – Не нужно цветов, Антон, и ваших вот этих намеков, ясно?

– Почему?

Не понимаю. Если хочу, значит, буду. Что значит не надо? Мои чувства, что хочу с ними, то и делаю.

Оля странно смотрит, как будто бы насквозь меня видит. Слишком очевидно, что втрескался я, да? Ну ладно, смотри, я не скрываюсь. Могу хоть всю душу наизнанку вывернуть, хочешь?

– Просто не нужно, – снова опускает глаза, смягчается немного, тон меняется. Не получается у нее долго образ колючки и ведьмы держать. – Во-первых, я ваш тренер, а во-вторых... Боже, да вы же младше, Ковалев! Поэтому оставьте все попытки, ничем хорошим это не закончится.

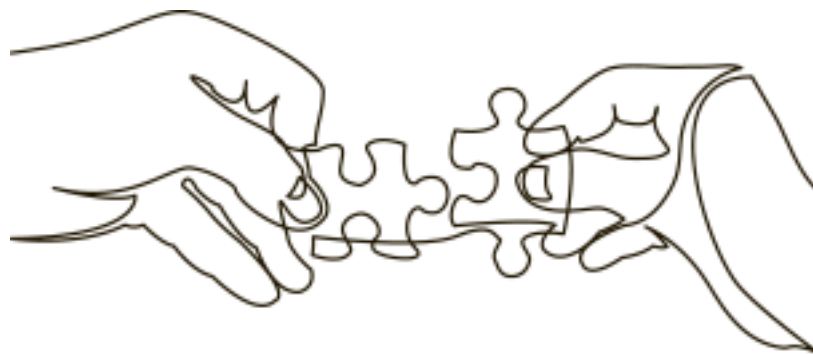
Она убегает на улицу быстро, чуть не снося меня ураганом, а я стою и пытаюсь понять, что это сейчас было.

Опять отшила, это понятно. Но как? Из-за возраста, серьезно?

Походу, разница в возрасте в нашей недопаре не смущает меня одного. Да твою же мать, а! Не было печали.

Глава 7

АНТОН

Этой ночью я сплю, потому что потискать Олю все-таки удалось. Я как ненормальный теперь на ее прикосновениях только и существую. Перепадает что-то – крепко сплю. Не вижу ее целый день – мучаюсь с бессонницей и с ума потом целый день схожу невыспавшийся.

Не успеваю толком проснуться, как в дверь кто-то звонит. Ну кого еще принесло? Иду открывать прямо в трусах, пусть скажут спасибо, что не без них, нехер в такую рань приходить.

Открываю дверь, и... Даша. Да что ж ты...

– Даш, ты опять?

– Можно войти? – Стоит жметса, губы кусает, как будто и не Даша даже. Всегда развязная, ничего не стесняется, а тут тушуетса, как котенок, в угол отморозками забитый.

– Ну входи. – Пропускаю внутрь и иду натягиваю шорты. От Даши надо подальше держаться, она знает рычаги давления на меня, опять на колени встанет, а я голову потеряю, буду потом себя винить, что Оле изменил, несмотря на то, что мы даже еще не вместе. – Зачем ты пришла, Даш? – Иду на кухню, жрать хочется так, как будто сто лет не ел. В холодильнике мышь повесилась, придется доставку заказывать. В такие моменты я очень хочу вернуться к маме, чтобы питаться нормально, потому что я тот еще кулинар.

– Картошка есть? – спрашивает Даша, входя следом за мной. Киваю. Картошка есть, лук, кажется, тоже. – Давай пожарю, будешь?

Картошку-то? От этого у меня мозги еще сильнее, чем от минета, отключаются. Даша знает два рычага давления на меня, хорошо, что про сырники и о том, что я обожаю, когда мне, как коту, за ухом чешут, только мама знает. А то бы Даша меня в плен взяла со всеми этими знаниями, и я бы не сопротивлялся вообще.

Первые минут десять она колдует на кухне молча, а я так же молча сижу за столом, наблюдая за ней. И... вот все. То, что еще несколько недель назад при виде нее в груди теплело и даже искрило немного, сейчас даже не нагревается и самым тусклым светом не загорается. Сдохла бабочка в животе, так и не начав летать.

А вот глаза закрываю, Олю представляю, и все, ураган внутри какой-то, по спине мурашки бегают, даже улыбка на губах тянется, которую Даша как себе адресованную расшифровывает.

– Антош... – говорит, поворачиваясь ко мне лицом. Картошка шкварчит на плите, а у меня слюни уже реками. Еще одна ведьма. – Я извиниться хотела. Неправильно поступила, не спорю, но ведь и ты не самый внимательный мужик ко мне был! Приезжала раз в неделю, тебе хватало, больше встреч ты не искал.

Киваю, знаю, Даша права. И сейчас я понимаю почему. Потому что не екало, потому что... ну потому что Даша не Оля. Теперь мне хочется с утра до ночи в спорткомплексе торчать, если будет возможность там с Крохой пересечься.

– Даш, ну разрулили же? – Я надеялся, что да.

– У меня ноль шансов? – сбивает с толку вдруг тихим голосом. Да какие шансы, мать твою, тебе это на хер никогда не нужно было!

– Дашка, послушай, пожалуйста. – Встаю и подхожу к рыжей, хорошая она все-таки, просто не сложилось, бывает, не смертельно. Обнимаю. – Если бы нам суждено быть вместе, мы бы были, столько раз могли сойтись, правда? Но не судьба, видимо. Как у вас там, у девчонок, говорят? Разные дорожки у нас с тобой.

– Почему ты вдруг передумал? – Поднимает голову и смотрит так жалобно, что сердце сжимается. Сука, ну что ж с вами так сложно-то!

– Да влюбился я, Даш, – признаюсь. Она отходит мешать картошку. – Как идиот, прикинь? А ей похер на меня. Бегаю за ней как щенок, других и видеть не хочу, аж бесит, веришь?

– Верю, – хмыкает, – что бесит. Что влюбился – неожиданно. Но я рада за тебя, честно.

Улыбается искренне, правда рада. Не верила, что Антошка влюбиться может, а тут новости такие.

– Прости, ладно? Ты классная.

– Я знаю. – Выключает плиту и еще раз идет обниматься. Как-то иначе... по-дружески, что ли. Комфортно. Обнимаю, носом в макушку зарываюсь, и уже не противные волосы эти, мягкие даже, апельсином пахнут.

– Давай я тебя с кем-нибудь из команды познакомлю?

– О нет, увольте, – нервно хихикает, – с хоккеистами я завязала, вы все с придурью, не хочу. С тобой можно завтракать?

Киваю. Можно, конечно.

И завтрак уютный какой-то, как будто не было между нами ничего, а всю дорогу как брат с сестрой общались. К лучшему, слез, истерик и взаимной ненависти я не вынес бы, да и зачем? Ничего друг другу не обещали, трахались по обоюдному согласию. Не срослось, и ладно, отношения портить не будем.

Скорее всего, общение наше этим завтраком и закончится, но... Кто знает, да?

– Ладно, влюбленный Антошка, – хохочет Дашка, когда после завтрака собирается домой, – давай там, все свое обаяние в кулак собери и действуй. Девчонки любят настойчивых, понял?

– Понял я, понял.

Я-то понял, но там стена непробиваемая, хоть бульдозер заказывай.

* * *

– Три подхода по пятнадцать отжиманий напоследок, – говорит довольная Кроха, оглушая нас громким свистом. Этот свисток ее – чистый секс. Издевательство, ад для моей выдержки. То пальцами крутит его туда-сюда, то губами обхватывает, фантазии вообще неприличные в моей голове этим движением рисуя. А когда она в майке, я сам хочу этим свистком стать. Потому что, как он в ложбинку ей падает... Это просто каторга, правда, у меня слюни текут.

– Ольга Сергеевна, а вы сегодня в ударе, – ржет Сава. Сам тренер, но с нами почти всегда занимается, не прогуливает, – тренировка на полчаса дольше, лишние подходы на отжимания. Настроение хорошее?

– Тебя мое настроение, Савельев, волновать не должно.

– Так я не для себя спрашиваю! Есть кандидаты на ваше настроение. – Смотрит на меня быстро, не прерывая отжиманий, а я глаза в пол. Знает же, что бреет меня Кроха, зачем начал вот?

– Есть кому беспокоиться о моем настроении, поэтому кандидаты ваши не актуальны. – Мигом злится, опять свистит в этот дурацкий свисток и разворачивается к спорткомплексу, быстро сказав, что тренировка окончена.

– Ну и чего она, – чешет затылок Серега, – не вернется?

– Завтра вернем, – говорю, вставая. Мышцы затекли, она реально нас сегодня сверх нормы гоняла. Опять. И без растяжки. Руки почти дрожат от лишних отжиманий, но боль приятная. Хорошо отвлекает от гнили на сердце. – Мы и так на полчаса больше впахивали.

– Давайте, мужики, у нас лед через полчаса, – говорит Колос, – курить если, то сейчас, не перед тренировкой, тренер спалит, еще больше пахать будем.

Уходим за угол, проходя чуть дальше, чтобы Крохе в окно не попадаться и чтобы дым не тянуло ей. Аллергия же, мы все помним.

– Ну чего там, Коваль? – затягивается Сава. Не спалила еще коротышка, видимо, раз курит расслабленно. – Не уложил нашу тренершу? Или не поддается обаянию нашего мальчика?

– Сава, хотя бы ты меня мальчиком не называй! – злюсь. У меня на это слово уже кулаки непроизвольно сжимаются. – Ни хера, даже подойти к ней не дает. «Ковалев, я старше вас, и вообще я ваш тренер, бла-бла», ты же слышал, колючая вся, – копирую Кроху, выбрасывая половину сигареты. Бесит, даже курить не хочется. Подраться бы с кем-то, да не с кем. Надо в зал сходить, грушу поколотить, хоть там энергию выплеснуть, а то уже за ушами звенит.

– Так, может, у нее мужик есть? – спрашивает Колос. – Поэтому отшивает тебя? Логично, не? Сказала же, что есть там кому о настроении ее думать.

Смотрю на него в упор. В смысле, мужик? Я такого варианта даже не рассматривал. Потому что... а почему? А хер знает. Решил сразу, что моей будет. А вдруг и правда мужик? Нет, не стена он, конечно, его и сдвинуть можно, а если любит? Вдруг свадьба у них на носу? А если вообще давно женаты, но она просто кольцо не носит?

Да сука!

– Колос, чтоб тебя! – Со злости пинаю какой-то камень под ногами, чтобы просто выплеснуть эмоции, но сзади раздается звук разбитого стекла. Да твою ж...

Через секунду – женский крик. Ее, точно, ни с кем не спутать.

Поворачиваюсь – точно в ее окно попал в спорткомплексе, где ей совсем недавно комнату типа кабинета выдали.

– Ну давай, давай, если что, я разбил, спасай свою Кроху, – хлопает по плечу Сава, и я как ненормальный со всех ног бегу к ней, очень надеюсь, что она не поранилась.

Рывком дверь открываю, осматриваю помещение. В стекле дыра, пара осколков на столе валяется, камень этот несчастный на полу. Олька стоит как парализованная, руки к груди прижимает, а лучше бы меня прижимала, честное слово.

Подхожу ближе, за плечи хватаю, осматриваю всю на предмет порезов. Ну, вроде нет.

– Не порезалась? – спрашиваю, в глаза заглядывая. Потому что окно прямо за ее спиной, если она сидит за столом. А где она была в момент моей безответственности, я не знаю. – Целая?

– Да, порядок, я только зашла, испугалась. – Кроха в себя приходит и тут же отстраняется, дистанцию между нами сохраняя. Колючка. – Кто разбил?

– Я, – честно говорю, не утаивая. Мог бы все свалить на Саву, как тот и предлагал, но не хочу. Все равно холоднее ко мне она не станет. Некуда, блин, холоднее.

– Зачем, Ковалев? Неужели это какой-то новый способ флирта? Учтите, он дурацкий. – Хмурится, ежится, отворачивается и из-за шкафа достает веник.

– Да я просто камень пнул, с траекторией не рассчитал, – забираю у нее из рук веник, а она смотрит странно, удивленно. – Что, Кроха? Я накосячил, мне убирать.

– Не смейте меня так называть, Ковалев! – шипит, точно змеюка, руки на груди складывает, смотрит, как я убираюсь. А я молчу. Убираю все осколки с пола и стола, сметаю, отправляю в мусор, и только тогда к Ольке моей недоступной возвращаюсь, на целую голову над ней возвышаясь. Ребенок, мать твою...

– Прекрати меня отталкивать, Оль, – смотрю на нее, глаза эти зеленые, губы сами по себе красные, сожрал бы, прямо тут сожрал... Еще и диван позади нее так призывно стоит, ну точно просит прямо на нем доказать ей, что со мной хорошо может быть. Очень хорошо. – Скажи, что не нравлюсь.

– Не нравишься, – шепчет сразу, без запинки, а сама глаза опускает, чтобы в мои не смотреть. Правильно, Оль, не смотри лучше, потому что тону я безвозвратно, захлебнуться страшно, ты же не подашь руку, чтобы вынырнул, ты только на голову сильнее надавишь, чтобы точно утонул.

– Совсем? – психую. Чувствую, как кровь кипит, бесит все, хочется вообще все окна к чертям разбить.

– На девять из десяти.

– Девять?

– Спортсмен ты хороший. Это нравится. – И в самый последний момент поднимает голову, уничтожая безразличным взглядом. Спасибо, Оль, как раз этого не хватало.

Качаю головой, усмехаюсь. Вот же влип, а... Попалась недотрога, все ей не нравится. Но ведь ни разу не сказала, что мужик есть, да? Если бы был, сказала бы? Когда стану ее мужиком, хочу, чтобы всем недоухажерам про меня говорила.

Но пока ухожу. Не нравлюсь я, как выяснилось, совсем.

– Стекло закажу, приедут поменяют, – бросаю напоследок и опять хлопаю дверь. Бесит.

Глава 8

АНТОН

Крохой ее не называть. Внимания не уделять. Цветы не дарить, не флиртовать. И вообще ты на один из десяти, Ковалев. Все остальные девять в тебе не устраивают. Слов нет!

Ночь за окном, часа три точно, а я вместо того, чтобы спать, в голове разговор наш гоняю и думаю, то ли правильно поступил, что свалил, то ли надо было доказать ей, что я не маленький ребенок и что могу понравиться ей на все одиннадцать из десяти.

Вот кто вообще придумал все эти чувства, симпатии? На хера? Чтобы потом в безразличные глаза смотреть и чувствовать, как в грудной клетке сердце в труху превращается?

Не говорю, что она должна была на меня прыгнуть с первой встречи, хотя, честности ради, я был бы очень не против, но, сука, неужели настолько не зацепил? Там во взгляде пустота была, смотрела на меня как на неодушевленный предмет, спасибо, что вообще поговорить решила, а не пнула, как я тот камень несчастный, который прямо в кабинет ей залетел.

Говорят еще, что мужики дерьмовые, что отношения для нас пустой звук, что девушек мы не ценим. А нас кто ценит? Она даже шанса не дает! Отталкивает и отталкивает, как будто я прокаженный какой-то.

Ладно, допустим, мы слишком мало знакомы, хер с ним, сказала бы, что тороплюсь, я бы притормозил, без вопросов вообще. Но, сука, она ж молчит! Просто вот это надменное «так делать не стоит» и «не нравитесь, Ковалев». Даже малюсенькой надежды не оставляет, ведьма колючая.

Но я не сдамся. Меня в первый раз так на девчонке заклинило, второго раза такого я не переживу, поэтому надо добиться и забыть об этом чувстве дурачком, просто сделать ее своей и радоваться жизни. Хочу ее так, что искры перед глазами. Обнять, поцеловать, себе забрать всю целиком. В штанах уже привычно ноет, член на мысли о ней реагирует моментально, а мне хоть вой, хоть на стену лезь. С другой не хочу. Мог бы поехать в клуб и найти кого-нибудь на ночь, чтобы напряжение снять, но от одной мысли тошно. Это что, совсем уже дурка, да? Реально не хочу других, Олю хочу, до чертиков.

– Сука! – Злость клокочет в венах, забив на все, иду в душ, включаю воду похолоднее, спать все равно уже не выйдет.

Поднимаю голову, стою под ледяными струями, пытаюсь снять напряжение, но перед глазами снова Кроха, и становится только хуже. Мысли все в тумане, член болезненно дергается, и я выкручиваю вентиль на теплую и как подросток обхватываю себя рукой, пытаюсь избавиться от тупого ощущения никчемности и одиночества.

Оля в моих мыслях улыбается и губы свои красные облизывает, а я сжимаю кулак крепче и ускоряю темп. Вожу по стволу рукой, ярко представляя, что это Оля со мной делает, упираюсь свободной рукой в стену, чтобы не упасть, и позорно дрочу на девчонку, расположения которой не могу добиться.

А Оля в моей голове совсем не такая, как настоящая. Она податливая и мягкая, она обводит ногтями мой пресс и сладко целует в губы, и, как только становится на колени, я кончаю на пол собственной душевой, низко простонав имя моей бессонницы.

Это просто какое-то издевательство.

Под утро засыпаю. В голове пустота, в яйцах, слава богу, тоже, хоть это не бесит пока, хотя не уверен, что это надолго. Наверняка завтра Олю увижу и снова выть начну.

Хорошо, что сегодня у нас выходной, я бы в таком состоянии снова запорол бы всю тренировку, Палыч бы меня со свету сжил за очередные косяки, он и так уже на меня с подозрением смотрит за то, что летаю где-то постоянно.

Завтра у нас игра, перед игрой всегда выходной, и мы командой решили на природе собраться. Недалеко озеро, лес, красота же. Мясо пожарить, песни поорать, не пить, главное, а то игру сольем, а такого мы сами себе не простим.

Ехать, если честно, не особо хочется, но заставляю себя, потому что расслабиться и улететь мыслями от Оли нужно, иначе я реально скоро пойду сдаваться в дурку, потому что не могу совладать с собственной головой. К обеду встречаемся у магазина, заваливаемся толпой, скупаем все, что есть на полках, и уже в хорошем настроении едем на озеро, громко слушая музыку в машинах. Погода – кайф, самое то, чтобы ехать на природу, и, прежде чем успеваем разместиться и разобрать продукты, мы с мужиками как дети бежим в воду, остужаясь и кайфуя от прохладной воды.

На пару часов забываюсь, жру мясо, подпеваю песням, орущим из колонки, поддерживаю разговоры всей толпы. Нас много, почти вся команда, а кто-то с девушками и женами. В общей сложности толпа почти сорок человек, и, казалось бы, отдыхай, Антошенька, да кайфуй, но вот ни хера.

Потому что парочки эти счастливые не бесят больше, как раньше, а какую-то тоску навевают. Хочется и самому закинуть на плечо малявку свою, в воду утащить под визг, прикрывать полотенцем ее, чтобы другие не пялились, кормить с рук, потому что горячее, чтобы она не обожглась. Смотрю на этих лбов здоровых, которые рядом с девчонками в ангелочков превращаются, и тоже хочу ангелочком таким же стать, но ей то ли дьявол нужен, то ли в принципе кто-то другой, кто зацепит ее так же, как и она меня.

– Антошка грустит, – звучит на ухо негромко, и к спине прижимается холодное и мокрое от воды тело. Лиза быстро обнимает меня, а потом садится рядом, заглядывая в глаза. Как эта мелкая всегда так четко эмоции считывает, я не знаю, но она могла бы быть хорошим психологом. – Лиска, – хватает подругу за руку и тянет к нам, – нужен план спасения Ковалева от грусти. Что будем делать?

– Предлагаю вколоть порцию любви, – улыбается Неженка, присаживаясь рядом. Цветник, елки-палки. – Ну чего ты, Антош?

– Совсем влюбился? – спрашивает Лиза грустно, смешно поглаживая меня по голове, как будто я ребенок маленький и это я ей до локтя еле достаю, а не она мне.

Киваю, смысл скрываться? На лице же все написано.

Лизка прижимается к одному плечу, Алиса к другому, и меня распирает от радости за друзей, какие у них замечательные половинки.

Нет, мне точно в дурку пора.

– Коваль, я ревную, – ржет Сава, обернувшись на нас. Колос поддакивает.

– Правильно делаете, – смеюсь в ответ, и девчонки хихикают. Они не ревнуют. И правильно делают.

– Нет, ну а она что, совсем-совсем к тебе никак? – спрашивает Колосова.

– Психует, когда я с ней на «ты», просит не подкатывать, сказала, что не нравлюсь ей на девять из десяти.

– Даже я так Тему не отшивала, – удивляется Лиза. – Что ей не так-то?

– Ну, судя по всему, ее не устраивает, что она старше меня. Трагедия пипец просто, как будто мне десять, – опять психую, потому что я проблемы вообще не вижу. Четыре года всего! – Короче, стена непробиваемая, и, походу, кругом построенная. Ни пробить, ни обойти, и перелезть не получается.

– Да поцелуй ее, и все! – говорит Лизка. – Зажми и поцелуй. Я вот в Тему втрескалась, когда он меня поцеловал. На спор с тобой, кстати, – хохочет, – так что давай теперь на спор со мной ты ее поцелуешь?

– Ой, Лиз, – включается Неженка, – не всем нравятся властные парни!

– Да что ты? – хихикает Лизка. Изю всех сил держусь, чтобы не ржать, потому что о чертяках Колоса от самого Колоса наслышан, просто Неженку смущать не хочется.

– Идите вы оба, – прищуривается, – спелись, посмотри на них! Я помочь хочу вообще-то. Вот когда Егор резко перестал внимание на меня обращать, я сразу поняла, что мне его не хватает. Так, может, и тебе так?

– Лис, это только на тебя действует, – говорит Лизка. – Говорю тебе, поцелуй, да и все. Даже если оттолкнет, что-то у нее екнет, если нравишься, ты увидишь.

Помощницы, блин. Прижми, не трогай, поцелуй, не обращай внимания. Супер.

– Коваль, а хочешь, мы вас в кладовке закроем? – поворачивается Сава.

– Она меня кусает, и я от змеиного яда умру, ага. Не надо, придумаю что-то. Спасибо, девчонки.

Встаю. Настроение к плинтусу свалилось, сам себя раздражаю и друзей бесить не хочу. Девчонки просят остаться, но смысла не вижу, только рожу кислую всем демонстрировать.

Еду к родителям. Отец дома, наверное, давно с ним не виделся, да и маме обещал заехать как-нибудь не на полчаса.

Нужно что-то делать с собой, иначе я завтра просру игру, а это уже крайняя стадия помешательства. Может, мама подскажет, как с ума не сойти, потому что у меня самого не получается.

Дома, как всегда, пахнет вкусненьким, и я, как будто не ободрался шашлыком полчаса назад, иду на самый вкусный запах в мире.

– Ма? – говорю негромко, чтобы не напугать. Мама радуется. Хоть кто-то радуется, когда я прихожу. Обнимает меня, в щеку целует.

– Привет, хороший мой. У тебя все в порядке?

Да, ма, отлично вообще. Влюбился впервые, хер знает теперь, что с этим делать.

– Порвал с Дашей. – Мама одобритительно кивает, соглашаясь с решением. – Влюбился в нашего тренера.

– Надеюсь, речь не про Виктора Павловича, – говорит отец, входя на кухню. – Здравствуй, сын.

– Нет, не о нем, – пожимаю отцу руку и улыбаюсь. Даже не представляю, что должно в жизни случиться, чтобы я перестал обращать внимание на красоток, и... нет, короче. – У нас тренер новая на земле, Ольга Сергеевна. Вот, все, втрескался по уши. Спать не могу, а она только отталкивает.

– Красивая? – спрашивает мама с улыбкой. Романтичная душа.

– Очень. – И сам как идиот улыбаюсь. Ну вот, отвлекся... – Она старше, ма.

– Ей сорок?

– Двадцать шесть.

– Если ты думаешь, – говорит отец, утаскивая из сковородки кусочек мяса, – что мы будем тебя отговаривать и доказывать, что это плохо, то вспомни, что твой древний отец старше твоей молодой матери на девятнадцать лет, и пойми, что в этой семье всем плевать на возраст, если есть любовь.

Да мне тоже плевать. Жаль только, что у Оли другое мнение на этот счет.

Еще недолго болтаю с родителями, сегодня даже странно легко с папой, это радует.

Мы ужинаем, и я понимаю, что желание ехать куда-то отсутствует напрочь. Дома опять не усну, завтра игра, нужно быть в полном порядке, тем более, пока ехал, позвонили из фирмы, утром приедут ставить стекло, мне нужно присутствовать.

– Ма, можно я у вас останусь? Спать охота, ехать не хочется.

– Ты же знаешь, что тебе не нужно спрашивать разрешения, чтобы остаться в собственном доме, Антош. Твоя комната навсегда твоя.

И хорошо как-то... И сплю тоже крепко. Не хватало этого.

Глава 9

АНТОН

Несмотря на подъем в семь утра, чувствую себя как никогда бодро. Все-таки стены родительского дома реально напитывают силами, хорошо здесь...

Принимаю душ, завтракаю с любовью приготовленными мамой в такую рань сырниками, обещаю не пропадать надолго и уезжаю. Нужно успеть домой за формой и лететь в спорткомплекс, через час приедут вставлять окно в кабинете Крохи, разбитое из-за тупости.

На том самом месте сидит та самая бабушка, снова продает цветы и ягоды. Наверное, надо бы остановиться, не лезть сейчас на рожон, потому что Оля на меня не слишком мягко реагирует, но... Не держу себя, иду к ней, скупаю все ягоды, что есть, и тащу эти три стаканчика с клубникой, малиной и черникой в кабинет Крохи, надеюсь, что в штаны она мне их не решит высыпать. Хотя я не сильно против, чтобы она залезла мне в штаны...

Оли еще нет, оставляю ягоды на столе, заношу вещи в раздевалку и иду на улицу встречать ремонтников. В комплексе еще почти пусто, поэтому позволяю себе понаглеть и курить в открытую, пока наблюдаю за тем, как идет работа. Парни справляются быстро, хотя я, честно, ожидал, что затянется это на добрых полдня, и когда они почти заканчивают, вижу, как в кабинет входит Кроха, застывая на месте.

Смотрит на происходящее с непониманием, как будто привидение увидела, а потом переводит взгляд на меня. Между нами всего несколько метров, но закрытое окно и стена толстенная, точно картинку наших отношений в это место перенесли, чтобы еще раз указать на то, как мы далеки друг от друга.

Оля хмурится, как будто понять не может, что происходит, а когда парни заканчивают и я расплачиваюсь за работу, вижу, как наблюдает за нами в окно.

Иду. Стремно отчего-то, ощущение, что высказывать сейчас начнет, что так делать не нужно было, и все остальное, и бла-бла. Женщины вообще аргументов могут целую гору найти, даже ненужных, просто лишь бы отбрить посильнее, уколоть, задеть. Женщины, они же хитрые. Она даже если сама хочет, нужно отказать почему-то, она это «нет» так уверенно скажет, что ты себя потом еще полжизни будешь дерьмом чувствовать.

Вхожу в кабинет и застываю. Кроха стоит у окна ко мне спиной. Красивая до чертиков. Стройная, еще и на каблуках сегодня, в брючном костюме, твою ж... Мозг отключается, пока рассматриваю, и она, словно подыгрывая мне, не поворачивается, позволяя любоваться. В штанах опять тесно, член призывно дергается, реагируя на ту, в ком бесконечно хочется оказаться, и я с трудом держусь, чтобы оставить дыхание ровным.

Подойти бы, обнять, в ушко поцеловать, чтобы злилась и шипела, что возбуждаю не вовремя, чтобы не одному тут от кипящей крови дохнуть.

Но я же не нравлюсь.

Поэтому и стою как идиот в дверях, косяк плечом подпирая.

– Антон, что это было? – наконец-то решает со мной заговорить и разворачивается. Губы накрашены темным, на шоколадку похожи, и сдохнуть от диабета прямо на месте хочется, если нет возможности эти губы целовать.

Она сегодня – картинка. Всегда шикарна, но эти губы, босоножки... черт, я готов на колени к этим ногам упасть, честное слово, что-то нереальное она со мной делает, точно ведьма.

– Окно? – усмехаюсь, через силу отрывая взгляд от тонких щиколоток.

– Да. Сколько я вам должна? – опять режим колючки включает, ну стерва стервой, змея, ведьма, блин!

Сердце ты мне вернуть должна, Ольга губы твои манящие Сергеевна, жить тяжело, неполноценным себя чувствую. Стою тут как кретин, слюни по полу размазываю, потому что от взгляда одного на тебя внутри все сжимается, а ты еще спрашиваешь, что должна.

Любовь, Кроха.

– Ты мне должна одно свидание, – загибаю пальцы, – один поцелуй, один шанс и... – про ночь не стоит говорить, наверное, да? – и все, в общем-то.

– Я просила, – говорит с нажимом, закатывая глаза, – не оказывать мне знаков внимания, Антон, я старше вас, у нас ничего не получится, направьте свою энергию в другое женское русло и назовите сумму за окно, в конце концов!

– Цену за окно уже назвал, – подхожу к ее столу и хватаю одну ягоду черники, закидывая в рот, – вот еще туда же, скушай витамины, полезно. А если ты про деньги, то мой косяк – мои затраты. Я разбил – я починил. Еще вопросы?

– Да, Антон, вопросов масса, – подходит ближе, бесится, еще чуть-чуть, и пар из ушей пойдет. Если так безразличен, то что ж ты бесишься? – Вы всегда такой наглый?

– Девяносто процентов времени, в остальные десять я зайчик пушистый. – Улыбаюсь и смотрю на Ольгу заразу Сергеевну, она так близко, что дыхание останавливается, а сердце, наоборот, по ребрам с тройной скоростью лупить начинает. Браслет на руке пищит, оповещая, что слишком высокий пульс, и пока Оля глаза закатывает и фыркает в очередной раз, я быстро наклоняюсь и крошечный поцелуй на щеке оставляю, просто чтобы... Ну, чтобы коснуться и соперника на льду сегодня вынести, моментом этим заряженным. Чтобы выжить, блин, сердце успокоить и душу патокой залить, чтобы не болела от очередного отказа.

– Да ты!.. – рычит за поцелуй, слов не находит, шлепает меня по плечам пару раз, но больно не делает. Хотя может, у нее мышцы крепкие, захотела бы – сделала. Но нет. Не хочет? Это радует. – От тебя сигаретами пахнет, – вдруг смягчается, хмурит брови и идет к окну, открывая настежь. Блин, у нее ж аллергия... Вот я придурок! Хватаю еще несколько ягодок из тех, что сам и купил, пытаюсь перебить запах дыма, и быстро подхожу со спины к Крохе, пока она не ушла. Она слишком удобно стоит у окна, я не могу устоять, это выше моих сил.

Обнимаю крепко, сжимаю руки на талии, она такая тонкая, что боюсь сломать. И, на удивление, Кроха не вырывается. Расслабляется как-то странно и выдыхает грустно, словно я с ней что-то плохое делаю. Да что с тобой происходит-то, а? Неужели и правда так сильно не нравлюсь, что приходится терпеть мои прикосновения? Не хочу верить.

Она не слишком убедительна в своих отказах, чтобы я поверил в их искренность.

– Крох, скушай ягоды, я от чистого сердца купил, – шепчу на ушко, нагло не отпуская Олю. Не хочу. Не могу! Я первый раз дорвался, оттаскивать всей командой придется. Она сногшибательно пахнет, от аромата голова кружится и появляется новое маньяческое желание этим ароматом все в своей квартире залить, чтобы ощущать фантомное присутствие Крохи. – И плевать мне на эту разницу в возрасте, там всего-то четыре года...

Обнимать ее круче всего на свете. Я так не кайфовал в свой первый секс, как сейчас, имея возможность просто касаться кожи губами и сжимать руками талию. Гуляю губами по скуле, щеке, виску, Оля странно не реагирует, возможно, вообще отключилась и думает о чем-то своем, но это даже к лучшему. Пусть это будут лично мои пара минут счастья, я заслужил, она каждый день разбивает мне сердце, должен же быть утешительный приз!

– А мне не плевать, Антон, – внезапно холодеет снова, отбрасывает руки мои и отходит, усаживаясь за стол. А было так хорошо, пока она колючки не выпустила. – Как бы вы ни говорили, вы все равно ребенок. Я уже молчу об остальных факторах невозможности наших отношений.

– Слушай, да что ты пристала, ребенок, ребенок? – злюсь, психую, лечебных прикосновений как и не было, опять словами ранит, как кобра, нападая и кусаясь. – Я два года уже один живу, работаю, учусь, денег хватает, трахаться тоже умею, что не так?

– Мужчина, Ковалев, измеряется не кошельком и не умением трахаться. – Вроде ниже меня и сидит за столом, а смотрит свысока. Заколебала с этой разницей в возрасте, да ей всего-то двадцать шесть! Четыре года разве разница? Ну я не врубаюсь, какого черта этому такое значение придавать.

Злюсь. На нее, на себя злюсь. Зачем вообще к нам в команду приперлась? Зачем вся такая недоступная ходит тут, сердце мне с ритма сбивает. Ведьма.

Хватаю еще три ягодки, чтобы занять руки, и иду к выходу. Прижать бы ее к стене сейчас и доказать, что не ребенок я давно, да только так с ней, видимо, точно не сработает. Хрен она сдастся мне, а насиловать ее – это не то, чего мне хочется.

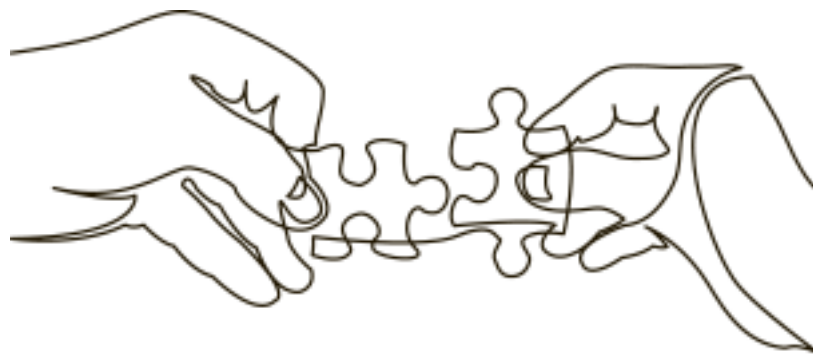
Останавливаюсь, оборачиваюсь и смотрю на нее – сидит вся такая безразличная, не улыбается даже.

Усмехаюсь. Подхожу обратно, ладонями в стол упираюсь, наклоняюсь низко, критически, почти носом ее касаясь, и слышу, как сбивается ее дыхание от такой наглой близости. Да, Кроха, я от тебя не отстану.

– Ты просто со мной еще не трахалась, – говорю негромко, добивая ее наверняка учабившийся пульс, и выхожу из кабинета, хлопая дверью. И да. Я намеренно сказал «еще».

Глава 10

Оля

Этот мальчишка когда-нибудь сведет меня с ума. Ему всего двадцать два, почему прицепился ко мне? Я ведь специально намеков не даю и взаимностью никак не отвечаю, только чтобы он отстал от меня, но он как суперклеем приклеился, оторвать невозможно.

Нависает надо мной постоянно, и я девочкой себя маленькой чувствую с его ростом и широченными плечами. Хоккеист, спортсмен! Огромный, как скала, особенно со мной рядом. Я ни ростом, ни комплекцией не уродилась, фигуру только благодаря спорту сделала, с грудью разве что от природы повезло, хоть где-то. И стоит этот огромный мужик рядом, а я его ребенком называю, хотя язык с трудом поворачивается, и голова в слова эти не верит почти. Ну потому что какой он ребенок? Взгляд осознанный, за слова и действия свои отвечает, ухаживает, несмотря на то что отказываю раз за разом... А я не могу иначе. Букет за диван поставила, чтобы не увидел и не обрадовался, что не выбросила, а выкинуть совести не хватило, красивый... И Ковалев красивый. И сам это знает, умело пользуется, глазки строит, зубы сжимает так, что очертания челюсти острой под кожей проступают, порезаться можно.

«Ты просто со мной еще не трахалась», – полчаса эти слова из головы не выходят, по рукам и затылку мурашки посылая. Сумасшедший мальчишка... Смотрит как тигр перед нападением, но... не нападает. Не знаю, радует меня этот факт или расстраивает больше, но в любом случае это правильно. Нам совсем не по пути, ему другая нужна, не с тонной скелетов в шкафу, как у меня, и ровесница желательна.

Хотя я совсем не ощущаю, что он младше. И пусть мы не общались тесно, все равно видно, что в свои двадцать два Антон настоящий мужчина. Ягодами накормил, стекло оплатил, сам об установке договорился. Я очень хотела вернуть ему деньги, чтобы не чувствовать себя должной, но не взял! Он хорошо воспитан, хоть и наглый до чертиков, хотя совру, если скажу, что мне не нравится это...

Откидываюсь на спинку стула и прикрываю глаза руками. Вот же влипла... Зачем вообще пришла в эту команду тренером? Знала же, что с толпой взрослых парней непросто будет, и, хотя работать оказалось очень комфортно, сложности нашлись в другом месте. Не первый раз я со взрослыми детьми работаю, не первый раз ко мне подкатывают, но, черт возьми, впервые в жизни меня не раздражают подкаты, а льстят, и сердечко от его флирта и горячих взглядов в меду плавает, постепенно ему сдаваясь.

Я пытаюсь себя одергивать, чтобы не поплыть окончательно. Это ни мне, ни ему не нужно, у нас разные дороги, тут ничего другого не придумать. Ему направо, где девушка будет хорошая, которая ухаживания по достоинству оценит и целовать его будет столько, сколько его широкая душа того заслуживает. А мне налево. Туда, где темные тучи прошлого обзор закры-

вают, где будущее по минутам расписано и где настоящее такое сложное, что пускать в него такого хорошего парня – кошунство.

Неправильно все, что происходит между нами, а что-то точно происходит, потому что мурашки от одного взгляда и чуть хриповатого голоса – уже что-то. Жую ягоды, которые Антон принес и велел есть как один из пунктов оплаты за окно. Витамины, говорит, полезно... А кто обо мне последний раз, кроме мамы, заботился? О витаминах думал, о том, что мне нужно. Никто. Много лет уже заботы этой не ощущала, и поэтому душа тоже к Ковалеву тянется, с трудом на месте ее удерживаю, все усилия прилагая.

Мне тяжело делать безразличный вид, отказывая ему, тяжело видеть его улыбку болезненную и тяжелый взгляд, когда понимает, что стена в очередной раз не пробита. А она... А она вся в трещинах давно уже, в толстых, еще пару раз кулаком стукни – к чертям развалится. Но я заставлю себя холодеть и его отталкивать, потому что, поддайся я ему из-за симпатии – влюблюсь окончательно. А этого между нами произойти не должно.

Как я в мужчинах не разочаровалась до сих пор – не знаю. Но то, что Антон все мои льды топит, – факт. Он делает это так быстро, что я едва успеваю натягивать маску безразличия на себя, потому что он как ураган сметает все на своем пути, не давая и шанса не влюбиться. Как у него так выходит? Говорит какие-то пошлости, а у меня жар по всему телу, словно я подросток с бурлящими гормонами. Будь я помладше, будь обстоятельства моей жизни другими – не отпустила бы никогда его. Сама бы на шее повисла и разомлела бы от его взгляда в первые двадцать минут, но... Нельзя. Не тот случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.